

Инна Баринская

*Детектив
сильных
страстей*

ЭКСМО

Две половинки райского яблока

Инна Юрьевна Бачинская

Две половинки райского яблока

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8087096

Две половинки райского яблока : роман / Инна Бачинская: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-73724-6

Аннотация

Наташа Устинова неожиданно для себя купила в странном магазине «Астарта» куклу-ведьму и, разочаровавшись в жизни и в любви, попросила ее о помощи. Ведьма... помогла: Наташа бросила опостылевшую работу в банке и устроилась переводчицей к таинственному иностранцу Джузеппе Романо. Он якобы приехал в Россию, чтобы посетить свое родовое гнездо – поместье Якушкиных, – и только ближайшее окружение итальянца знало истинную цель его визита. На самом деле он собирался найти некий загадочный артефакт, которым, по легенде, владел его предок, масон Лев Якушкин. Что это за предмет, никто толком не представлял, известно было лишь одно – он обладал необыкновенной магической силой. Конечно, не один Романо догадывался о его существовании – в город съехались и другие охотники за сокровищами. Именно поэтому Джузеппе обратился к Наташе – ей отводилась в поисках особая роль...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	55
Глава 5	72
Глава 6	85
Глава 7	97
Глава 8	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Инна Бачинская

Две половинки райского яблока

© Бачинская И.Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Все действующие лица и события романа вымышлены, и любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

...Ведьмовство, сатанизм, демономания, колдовство, магия черная, магия белая, зеленая... Многие считают, что в наш просвещенный век нам, продвинутым жителям планеты

*Земля, побывавшим на Луне и приобретающим
туристические путевки в космос, вся эта
чертовщина вроде бы и ни к чему...*

**«Магия Запада»,
Леонард Малевин**

Глава 1

Счастливого Хеллоуина!

Новая эпоха – новые праздники. Сначала как бы случайно, в рамках кросс-культурных связей, ах, мы так похожи, они – открытые добрые простые люди, мы – тоже, дружба навеки, границы не сегодня завтра снесут, визы отменят, и все вместе – к победе сияющих вершин глобализма. Нет, не так... к сияющим вершинам победы глобализма! Или нет! К сияющей победе... Да ладно, и так ясно. И Хеллоуин – милашка-страшилка, у-у-у! Маски вампиров, носатых ведьм в колпаках, пляшущих скелетов производства вездесущего Китая, чуткого к мировой конъюнктуре, – мы только подумали, а Китай уже изобрел, произвел и заполнил полки магазинов, причем по доступным ценам, посылая в нокдаун неповоротливого отечественного производителя. Пользуйтесь на здоровье!

Я стояла в полутемном подъезде собственного дома, вертя в руках открытку, на которой черным по белому, то есть по желтому, было написано, что Наташа Устинова (это я) *«приглашается на предхеллоуинскую распродажу сувениров, магических принадлежностей и др. предметов в магазин «Астарта», имеющую место быть 13 октября с.г. Адрес магазина: ул. Н.В. Гоголя, 13. Часы работы: с 10 утра до 22*

вечера. Просьба стучать. Счастливого Хеллоуина, Наташа Устинова!»

Первой реакцией на приглашение была оторопь, второй – вышеприведенные раздумья о новой эпохе, третьей... снова оторопь. Во-первых, почему «Наташа»? А не «Наталья»? Я ведь не публичная фигура, которую можно так запросто... Ну, что-нибудь вроде: «Сегодня мы принимаем у себя замечательную актрису, певицу, художника-модельера и мецената Наташу (допустим) Буреломову». Ее – можно, меня... нет, кажется. Во всяком случае, до сих пор я была Наталья Васильевна, или Наталья, или госпожа Устинова, работник Банковского союза. Можно не уточнять, что была я там маленьким винтиком, незаметным белым воротничком. Если пойти еще дальше по пути самокритики, то жалким клерком, из тех, которых пруд пруди в романах критического реалиста Чарльза Диккенса – предмета моей дипломной работы тысячу лет назад.

Да... Кажется, я несколько отвлеклась. Наташей меня называют только свои. *Он* тоже называл меня Наташа... в самом начале, один день всего, а потом придумал другое имя, «штучное», как и все, что его окружало... Ну да ладно, чего уж теперь... И это получалось у *него* удивительно... удивительно мягко... *Он* смотрел мне в глаза, светло улыбаясь, и повторял, словно пробовал на вкус: «Наташа... Наташа...», а я горела щеками и ушами, внимая волшебному звуку его голоса, и таяла, таяла, таяла... Мы оба сидели в укромном

уголке самого крутого ресторана города «Английский клуб», в котором *он* был завсегдатаем, а я – попала в первый раз в жизни. И в последний, как оказалось.

Посещение ресторана проходило под пунктом первым в процедуре охмуряжа, как объяснила мне моя опытная коллега Зинаида Яковенко, самая большая сплетница в нашем учреждении.

– Скажи спасибо, что в «Английский клуб», а не в «Тутси», куда *он* водил Ленку Репкину или Лариску из администрации.

Не президента, а Союза. Администрации нашего Банковского союза, где я работаю, уже почти год. «Английский клуб» – это все-таки статус и признание.

– Можешь гордиться, – сказала Зинаида. – Кстати, как там, в «Английском клубе»? Устрицы, рябчики, шампанское рекой и цыгане? В отдельном кабинете?

Лицо Зинаиды выражало вдохновение. Она была копытом от нетерпения разнести новость по отделам, присочинив про отдельный кабинет, шампанское из тувельки прекрасной дамы и табор цыган.

– Цыган не было, – сказала я. – Играли классику – Вивальди, Моцарта...

Зинаида мне, разумеется, не поверила. То есть не то чтобы не поверила, а пропустила мимо ушей. Отрываться нужно с цыганами и шампанским из тувельки, в лучших традициях денежных мешков. Хорошо еще, если присутствует дресси-

рованный медведь или какой-нибудь другой зверь, пантера, например, на поводке со стразами. Одним словом, сделайте нам красиво. Она взглянула на мои туфли, и на лице ее появилось выражение, которое читалось как «надеюсь, на тебе были другие туфли!».

Я вздохнула и прислонилась к облупленной стене лестничной площадки. На мне было офигительное, как называет этот стиль моя школьная подруга Татьяна Сидорова, платье, которое она же мне и одолжила, и туфли, стоящие целого состояния (понимай – полторы зарплаты) – из черной замши, остроносые, на тонком каблучке – произведение искусства, а не туфли. Я помню, как взяла их в руки – сердце замерло на долгий миг и вдруг понеслось вскачь. Тоненький мальчик опустил передо мной на колени – дело было в «Пассаже», где такие спектакли предусмотрены внутренним распорядком и входят в цену продукта, снял с моих ног не новые, но довольно приличные еще осенние туфли, надел это замшевое чудо, и... и... мы оба замерли от неземной красоты. Можно тысячу раз быть выше *этого*, подразумевая под «*этим*» дорогие вещи, дорогие украшения и дорогие рестораны... Зелен виноград! Эх, были б деньги! Оказывается, в мире полно прекрасных вещей, причем не в журналах или на выставках, а в магазинах и бутиках. Бери – не хочу! Одна маленькая, но существенная деталь – презренный металл. Вернее, его недостаток. Замшевое чудо, как я уже упоминала, обошлось мне в полторы зарплаты.

Я никогда не понимала страсти коллекционеров... Однажды некий инженер Стульчиков, приличный с виду человек, в летах, украл у моего соседа Виктора Семеновича редкую почтовую марку, когда тот по неосторожности оставил его наедине с альбомом, а сам пошел на кухню попить воды. «Не понимаю! – кричал потом Виктор Семенович, потрясая тощими кулачками. – Как он мог? Марка – единственный экземпляр в городе... В стране их всего шесть. О чем он думал? Ведь все знают, что марка моя! Идиот!»

Я не знаю, о чем думал идиот Стульчиков, но я прекрасно помню, о чем думала я... Не подумайте, что я хотела украсть туфли, нет! Но в ту минуту, рассматривая свои изумительно красивые ноги, я поняла Стульчикова: страсть завладеть маркой помутила его сознание и толкнула на безумный поступок. Я, как инженер Стульчиков, тоже совершила безумный поступок, обьятая страстью. Я купила эти туфли! Принесла домой, вынула из коробки. Поставила на стол. Даже не сняв пальто, уселась на диван. Последний раз я испытывала подобный восторг лет... неважно сколько назад, в первом классе школы, когда родители подарили мне красную курточку с молниями вдоль и поперек.

На другой день после приобретения туфель я просто светилась, и, наверное, поэтому меня заметил наш притча во языцех, наш Дон Жуан и плейбой Георгий Кириллович Андрус, генеральный директор Союза. Между нами, девочками, – Наш Жора. Бабник с той еще репутацией. Лощеный

красавчик, пребывающий в прекрасном расположении духа, вызванном отличным пищеварением, безукоризненным здоровьем и удовлетворенными потребностями, в том числе сексуальными, что достигается наличием известного количества денег. Справедливости ради необходимо заметить, что Жора был далеко не глуп, образован и даже начитан. Он не был гротескным полуграмотным новым русским из анекдота со всякими корявыми словечками. Нет, Наш Жора был из тех, кто тратит деньги не только на физические потребности, но и на духовные, вроде фильмов культовых Альмодовара и Кустурицы, компактв с классической музыкой и хороших книг, которые он действительно читал и мог внятно выразить, что ему в них понравилось или не понравилось. Не забыть море обаяния. Из чего следует, что Наш Жора был незаурядным человеком. Ну, а женщины... это особая статья. С женщинами все ясно. Когда этот небожитель спускался с небес – со своего четвертого этажа, заглядывал к нам, улыбаясь и благоухая бесценными туалетными водами, интересовался, как мы... вообще, то да се, – стон стоял кругом!

Зачем он это делал? Исполнительный директор был хам из хамов, заведующие отделами надували щеки и презирали нижестоящих, и только Наш Жора... Зачем? Ах, зачем? Да очень просто – Жоре нравилось быть любимым и желанным. Особенно сильно это чувствуется в окружении женщин, разумеется, а о том, что работали у нас в основном женщины, даже не стоит упоминать. Мы были той самой свитой, кото-

рая играет короля.

Орлиным взглядом Жора выхватывал из толпы новое женское лицо. Со всеми вытекающими последствиями, если лицо это было молодым и привлекательным. Я не хочу сказать, упаси боже, что тут же начиналось давление, преследования, ультиматумы... нет! Ничего такого не было и в помине. Он просил зав. отделом прислать ему новенькую с каким-нибудь пустяковым документом... и так далее. Если бы новенькая отказалась нести документ, Жора только плечами пожал бы: «Чудачка!» Но обычно никто не отказывался. Ни одна из нас не стояла насмерть, защищая свою честь от посягательств Жоры. Наоборот, бежала вприпрыжку, а потом, сияя глазками, делилась подробностями. Времена, когда можно было написать «кто честной бедности своей стыдится и все прочее, тот самый жалкий из людей...», миновали. Мы не то чтобы стыдились своей бедности, но и гордиться особенно было нечем. А мораль и бедность не всегда идут рука об руку. Туфли за полторы зарплаты хоть и поднимали самооценку, но заставляли вспомнить, что неплохо бы к ним еще и платье, и пальто, а то и шубу.

Жора не был жаден, и очередная обласканная на другой день появлялась на работе в новом платье, с новым колечком или серьгами.

Короче говоря, на следующий день после исторической покупки Жора меня заметил. Со всеми вытекающими последствиями. А что бы вы сделали на моем месте? Я пошла,

разумеется, но выждала перед тем пятнадцать минут, которые просидела, как на иголках. Девочки бросали на меня нетерпеливые взгляды, а Зинка, наконец, рывкнула: «Да пойдешь ты или нет, в конце концов! Ведь ждет!», выразив тем самым настроение масс.

Жора включил все свое обаяние. Он поднялся мне навстречу, улыбаясь, как родной. И глаза у него при этом были... Я, покраснев до ушей, но гордо вскинув голову, протянула ему документ, который он небрежно положил на письменный стол.

Интерьер Жориного кабинета впечатлял. Сияющий паркет, сияющая мебель, сияющие корешки книг в сделанных на заказ полках красного дерева, вид на парк из окна. Ну, и всякие мелочи, вроде телефонов, плоского монитора «Сони», хрустального графина, серебряного стакана с карандашами. А также фигурки животных из малахита, розового кварца, лабрадорита – крошечные бычки, лягушки, пантеры. А также невероятно красивый земной шар на полированной деревянной подставке в углу, сработанный из натуральных полудрагоценных камней и заключенный в золотые ребра меридианов и параллелей – синие океаны, зеленые материки, белые пики гор.

Он усадил меня на кожаный диван... Даже самые записные сплетники твердо знали, что Наш Жора никогда ничего не позволяет себе на работе, хотя диван располагал к это-

му как нельзя более. Я утонула в этом диване, только острые коленки торчали. Поза неудобная, лишаящая человека последних крох уверенности в себе. И лишь мысль о том, что Жора никогда ничего себе не позволяет на этом диване, придавала мне сил. Жора поинтересовался, как мне работается...

Как мне работается? Я числюсь старшим экономистом, но в экономике у меня весьма небольшие познания, приобретенные на полугодичных курсах от биржи труда, так как работы по профилю они для меня не нашли. Наша организация называется Банковский союз, как я уже говорила, и является чем-то вроде профсоюза банкиров. В мою обязанность входит оформление писем первым лицам страны вплоть до премьер-министра и даже президента с разными дельными предложениями, которые родил наш Союз на основании писем и жалоб директоров банков. Дельные предложения касаются возможных поправок к закону номер тра-та-та об усовершенствовании положения о банковских операциях тра-та-та, а также о введении поправки к закону тра-та-та... и так далее. Работа творческая, требующая полной отдачи и сосредоточенности, чтобы, упаси бог, не перепутать номер закона или фамилию адресата. Разумеется, составляю письма не я, а исполнительный совет Союза, а я уже потом перевожу их на человеческий язык, перепечатаваю, делаю копии, подшиваю и складываю в архив: мы, на всякий пожарный, храним документы в двух архивах – электронном и пе-

чатном, а оригинал отправляю. Того, что платят за эту работу, мне хватает на общественный транспорт, еду и скромную одежду. Вот даже туфли купила...

Я ответила Жоре, что мне работается хорошо, спасибо. Работа нравится... Он, кажется, удивился – огонек интереса промелькнул в глазах. Не *известного толка* интереса, а вполне нормального. Я добавила, что это не совсем то, правда, к чему я себя готовила. Не удержалась, выложив на стол единственный свой козырь – образование. Иняз – английский, немецкий, французский, – это придавало мне хоть какой-то блеск. А почему банк, спросил он. А потому, что переводчиков и учителей иностранных языков – пруд пруди, хорошие места без связей не обломятся... Школу, где я работала шесть лет, закрыли. Бюро технического перевода, которых еще недавно было, как грибов, осталось мало, и за работу почти не платят. Тем более я терпеть не могу технический перевод. И вот, пришлось стать экономистом. Старшим. Потому что просто экономистом у нас называется всякий курьер. Для солидности. Но получает при этом, как курьер.

А личная жизнь, спросил Жора участливо. Разумеется, а вот и голуби. Иначе зачем было огород городить. Не замужем?! Вернее, разведена. Бездетна. Если коротко...

Кофе, спросил Жора. Я кивнула. Вышколенная секретарша, без малейших следов кастового недовольства от факта подачи кофе старшему экономисту с первого этажа, при-

несла поднос с кукольными серебряными чашечками, сахарницей, кувшинчиком со сливками. Запах хорошего кофе и ванильного печенья поплыл по кабинету. Жора сам разлил кофе, спросил, нужно ли класть сахар и сколько, и протянул мне чашечку. Кажется, у меня дрожали руки. Надеюсь, он этого не заметил. Не привыкла я распивать кофеи в кабинетах начальников. Хотя, казалось бы, ну, что здесь такого? Все люди – братья, и все равны. Правда, как сказано в одном произведении, – некоторые равнее других.

Мы допили кофе. Жора предложил еще по чашечке. Я отказалась. Мы сердечно распрощались. Жора проводил меня до дверей кабинета, и я с облегчением вышла. Секретарша отыгралась за унижение, притворившись, что не замечает меня. Я спускалась по лестнице, а не лифтом, чтобы хоть немного успокоиться. Лицо мое горело. Он не предложил мне встретиться, значит, я ему не понравилась. Вот о чем я думала, медленно спускаясь по ступенькам. Какая там честь! Если раньше и была мысль о том, что Жора выбрал меня, как товар на базаре, и от этого – некоторое чувство унижения и как бы возмущения, то сейчас песочные часы перевернулись, и песок посыпался в обратную сторону: он меня не захотел! Это было еще унижительнее. А я ему, как дура, проиняз. Нашла чем хвастаться...

Пять пар горящих любопытством глаз встретили меня, как только я переступила порог нашей комнаты. Пять пар глаз и выжидательное молчание. Из чего я заключила, что

перемывали кости мне и никому другому. Под обстрелом их глаз, в полной тишине, я прошла к своему столу. Уселась за него.

– Ну? – не выдержала Зинка.

Я пожала плечами – ничего особенного. Но народ, как в песне известного барда, волновался и требовал подробностей.

– Когда? – спросила Зинка.

Я снова пожала плечами.

– Ни фиги себе! – сказала Зинка. – Значит, будет звонить!

Оказывается, женщины, заинтересовавшие Нашего Жору, делятся на две категории: тех, с которыми договариваются сразу, ввиду их бросающейся в глаза доступности, и тех, кому звонят потом. Вторые котируются выше. Так что нашему отделу есть чем гордиться.

История любви прошла без сучка и задоринки, по накатанному сценарию. Не хочется и вспоминать... Ведь, даже когда знаешь все наперед, надеешься на чудо. Иначе и жить незачем. Ладно, проехали.

Я все еще стояла в парадном своего дома, держа в руке желтую почтовую открытку с приглашением на дурацкую распродажу всяких магических предметов. Зачем мне магические предметы, и на какие шиши я стала бы их покупать, приди мне в голову подобная дикая фантазия? Покупка ту-

фель пробила изрядную брешь в моем бюджете, какие могут быть в данных обстоятельствах магические предметы? И вообще, какая магия имеется в виду – белая или черная?

Откуда у них мой адрес, вдруг пришло мне в голову. Откуда они знают мою фамилию? Кто – они? А, какая разница! Вы меня на своей распродаже не дождетесь, и не надейтесь! А ваши магические предметы китайского производства мне и даром не нужны. Вот так.

Я отперла дверь родной квартиры, ощутила родное тепло и родные запахи. Какое счастье, что у меня есть дом! Моя крепость, куда можно забиться и делать все, что заблагорассудится. Смотреть до полного опупения телевизор, перебирать школьные фотографии или рыдать в подушку. Можно устроить постирушку или убрать в холодильнике. Давно пора, кстати. Можно валяться на диване и вспоминать Нашего Жору, придумывая постфактум, так сказать, всякие красивые слова и темы для интеллектуальной беседы в промежутках между шампанским и сексом. Можно жаловаться на судьбу-злодейку... а толку?

Я не очень переживала развод с мужем – наш брак исчерпал себя задолго до финала в суде. Студенческие браки, как правило, недолговечны. Мой муж оказался маменькиным сынком и все время жаловался маме то на непришитую пуговицу, то на не купленный по причине моей забывчивости и занятости хлеб к обеду, то на отсутствие чистых носков. Кроме того, он был свято уверен в том, что домаш-

няя работа бывает мужская и женская. Мужская – сходить на охоту, завалить зайца или наколоть дров. Остальное – женская. А если не нужны дрова ввиду наличия батарей центрального отопления и газовой плиты, и заяц тоже не нужен, то это уж как кому повезло. Историческая справедливость, плата за века охот, войн, походов и всяких других лишений. Пора и отдохнуть. За два года супружества во мне развился нехилый комплекс неполноценности. Заслышав шаги мужа на лестничной площадке, я лихорадочно засовывала под диван книжку, которую читала, мчалась в кухню, хватала нож и принималась чистить картошку. Мой муж оказался сильнее меня, увы. А кроме того, у него перед глазами был такой вдохновляющий пример, как собственная матушка, которая и коня могла остановить при необходимости, и хлеб испечь, и дом построить. Как говорили злые языки, она и мужа поколачивала. Я его уже не застала, царствие ему небесное.

В один прекрасный день мне пришла в голову трезвая мысль – а дальше что? Муж хотел детей, вернее, его мама хотела. Я представила себе этих детей, аккуратно складывающих одежду, убирающих постель, чистящих зубы после каждого приема пищи... А сам «прием пищи»? Не завтрак или обед, безалаберный, как всегда у нас в доме – мои родители были заняты с утра до вечера, и все делалось на бегу, – а «прием пищи», происходящий в гробовом молчании на твердой от крахмала скатерти.

А уроки? Мои несчастные дети будут с утра до ночи кор-

петь над уроками и с тоской прислушиваться к крикам со двора других детишек, потому что придет папа и проверит, потому что папа хочет ими гордиться, потому что в детском возрасте лучше усваиваются иностранные языки... и вообще.

Меня трудно расшевелить, что правда, то правда, но если процесс расшевеления пошел, то ходу назад уже не будет. А всего-то и нужно было – сесть и подумать.

Потом все друзья и знакомые долго удивлялись: ах, почему, такая прекрасная пара, молодые, красивые, общие интересы... Ну, чего, спрашивается, не хватало? Какого рожна им, спрашивается, нужно?

Были еще два или три скоротечных романа, не задевших не то что души, а даже памяти.

А потом пришел Жора... Наш Жора. Пришел и ушел, мелькнул, как комета. Меня никогда не бросали, и я не подзревала, что это так больно. Я, кажется, начинала понимать женщин, стремглав бегущих на мосты от неразделенной любви и безнадежности. А оскорбленное самолюбие? Зверь, выгрызающий внутренности, воспаляющий мозг, заставляющий биться головой о стенку... и так далее.

Я пыталась держать удар. Улыбалась, входя в наш отдел, смеялась незатейливым шуткам коллег, делала прическу, красила губы, не гипнотизировала взглядом телефон, но... Господи, как же мне было тяжело! Меня унизили, растоптали... и бросили. Неужели, думала я, неужели он не понял,

что я не такая, как все его женщины? Что я «не цветок или письмо», которые можно бросить? Что я умная, интеллигентная, начитанная, со мной есть о чем поговорить, со мной не стыдно показаться на людях? Неужели ничего... ничего, ни капельки не осталось в его душе от наших встреч?

Мои бесконечные «почему» сильно отдавали мыльной оперой. Тут можно было бы порассуждать на тему о том, что обиженные и растоптанные чувствуют одинаково – что девушки с дипломом столичного иняза, что мексиканские подкидыши, выросшие в сельской глуши. Но не будем. Кого бросали, тот не забыл. А в латинском телемыле, оказывается, больше реализма, чем принято думать.

...Нехитрый ужин. Не забыть прибавить «в одиночестве». И телевизор. Перестрелки, кровь, секс, менты, взорванные машины, чемоданы денег, бритоголовые, стриптиз-бар, роковые красавицы, олигархи в личных бассейнах или саунах. Полный бред. Подхожу к книжным полкам, пробегаю взглядом по компактам с фильмами, тысячу раз виденными. Застываю надолго, забыв, зачем пришла сюда.

Жора сказал: «У тебя такие красивые глаза... Иногда серые, иногда синие. А когда я целую тебя, они зеленые. Меняют цвет, как александрит...»

Может, он еще позвонит?

«Будь самой горькой из моих потерь, но только не последней каплей горя...»

Я отошла от полок ни с чем. Не хотелось мне смотреть

на чужие страсти, неразделенные любви, предательство и обманы. Послониавшись по квартире, я оделась и вышла из дома...

Глава 2

«Астарта»

*Люблю октябрь, угрюмый месяц,
Люблю обмершие леса,
Когда хромает ветхий месяц,
Как половина колеса...*

Игорь Северянин, «Октябрь»

Дождь не дождь – взвесь мельчайших капелек тумана шевелилась в воздухе. Было тепло. Туман крался сверху, неотвратимо заволакивая верхушки деревьев и крыши домов. Последние нехолодные дни перед долгими зимними сумерками...

Я бездумно брела по улицам, сворачивая с одной на другую. Сияли размытым светом уличные фонари, растворяясь во влажной темноте. Люди выныривали из тумана, приглушавшего звуки голосов и шагов. Я шла вдоль городского парка, пустого, печального, с черными скелетами деревьев с поредевшей листвой. Все замирает, думала я, погружается в сон, скоро выпадет снег... скорей бы! Хоть какая-то перемена. Я непременно приду в парк, буду ходить по засыпанным снегом дорожкам, оставляя четкие птичьи следы. Буду трогать снег рукой, сняв перчатку. Может, даже попробую на

вкус. А после первого снега и до Нового года рукой подать... И тут вдруг меня охватило такое предчувствие радости, что я даже остановилась посреди тротуара, прижав руку к сердцу. Набрала полные легкие влажного воздуха, задержала дыхание. Выпустила, снова вдохнула и пошла дальше. Снег, снег, снег, повторяла я в такт шагам. Радость, радость, радость...

Парк закончился, начался город. Я свернула в первую за парком улицу и с удивлением заметила, что это была улица Гоголя. Удивительное совпадение! Я тысячу раз бывала в парке и, должно быть, неоднократно проходила по этой улице, но никогда не обращала внимания на название. Теперь нам нужен номер тринадцать, подумала я, раз уж мы тут...

Старый четырехэтажный особняк: высокое крыльцо, черная дверь в виде арки, красный свет в окнах. На магазин не похоже. И вывески нет. Как же он называется? «Астарта»! Большая медная голова не то льва, не то какой-то химеры, справа от двери. Небольшой рог, скорее, выпуклость в центре крутого лба этого животного служила кнопкой звонка и была отполирована до блеска. Приглядевшись, я заметила над звонком белую табличку, вставленную в медную рамочку. Там было всего три строчки. Жирные черные буквы сообщали следующее:

«Астарта» – звонить два раза.

Генриху О. – звонить три раза.

Д-ру И.А. Остроумову – звонить четыре раза.

Я протянула руку и позвонила. Два раза. После чего по-

дергала ручку двери. Дверь была заперта. Дребезжание звонка внутри дома было слышно даже на крыльце, но никто не спешил мне открывать. Я позвонила еще раз – два выразительных коротких звонка, как предписывала инструкция в медной рамочке. И снова тишина в ответ. Я уже хотела уходить, как вдруг дверь распахнулась, и передо мной предстала женщина. Обыкновенная женщина, а не черт знает кто, как я себе уже было вообразила. Средних лет, полная. С высокой прической.

– Я вас слушаю, – произнесла она любезно, стоя в дверях.

– Я в «Астарту», – принялась я объяснять. – Меня пригласили... Только я забыла приглашение дома...

В этот самый миг рука моя нащупала почтовую открытку в кармане пальто. Я удивилась, так как была уверена, что открытка осталась лежать на тумбочке в прихожей, и протянула открытку женщине. Она взяла, внимательно прочитала и сказала:

– Наташа Устинова... Конечно, заходите, пожалуйста, Наташа. Направо, прошу вас.

Это действительно был магазин игрушек. Или цех. Или склад. Только и всего. На длинных, из конца в конец, полках сидели, стояли и лежали десятки кукол в черных хламидах и остроугольных колпаках, пластмассовые черепа, скелеты, оранжевые тыквы с прорезанными отверстиями глаз и рта, чтобы видна была горящая внутри свечка. Разноцветные свечи, большие и маленькие, тонкие, пузатые и витые,

помещались в ящике на столе у входа.

– Вас интересует опт? – спросила женщина, впустившая меня.

Я вздрогнула – она, оказывается, неслышно шла за мной.

– Нет, мне для себя, – сообщила я и подумала, что придется купить хоть что-нибудь, иначе неудобно.

– Будьте как дома, – мило сказала она, повернулась и ушла, оставив меня наедине с пестрым товаром.

Я медленно двигалась вдоль полок с дешевой разовой продукцией, думая, кой черт меня сюда занес. Не забыть спросить у женщины, откуда они знают мое имя и адрес. Решительно ничего не привлекало моего внимания. Скелет в шляпе? Я взяла с полки аляповатое изделие – череп в черной широкополой шляпе смотрел на меня пустыми глазницами. Видимо, я нечаянно задела какую-то кнопку – скелет вдруг пришел в движение, задрожал у меня в руках, захлопал челюстью, а в глазницах замигали зеленые лампочки. Скелет жужжал и стучал зубами, а я, испытав мгновенный ужас, бессмысленно смотрела на него. Опомнившись, я бросила изделие обратно на полку. Хороша игрушка!

Кроме скелетов, тут были разношерстные ведьмы на метлах: крюконосые, с бородавками, в широкополых черных шляпах на растрепанных седых патлах. Были там также бесформенные зеленые человечки со смешными рожицами. И странная помесь собаки с драконом, видимо, волки-оборотни. И гномы в красных колпачках. И вообще, неизвестно

кто. Или что.

...Я заметила ее сразу. На полу, там, где кончались полки, стояла фигурка, примерно в полметра высотой. Может, чуть больше. Даже не знаю, как ее назвать... Наверное, это была ведьма. Но как же она отличалась от своих уродливых товарищей в черных колпаках! Это была ведьма-аристократка. В лиловом длинном платье, с белым личиком, с пятнами яркого румянца на скулах, с гривой смоляных волос, завитых мелким бесом, с вишневыми губками сердечком. В синих глазах с длинными густыми ресницами – лукавые черти. Носик, правда, чересчур длинный, но это ее несколько не портило, наоборот, придавало пикантности. Громадный лиловый берет со страусиным пером украшал голову ведьмы. В одной ее руке, по закону жанра, была метла из настоящих веточек березы, выкрашенных почему-то красной краской, а другой ведьма чуть приподнимала пышное платье, и оттуда, вместе с кружевами многослойных нижних юбок, выглядывали тонкие ножки в чулках в красную и белую полоску, в грубых деревянных сабо. Я невольно рассмеялась – крестьянские полосатые чулки и деревянные сабо никак не вязались с шелковым нарядом. Она, видимо, и сама это понимала, но воспринимала с юмором. Задрала юбку, словно говоря – любуйтесь, люди добрые!

Я, присев на корточки, совершенно очарованная, рассматривала ведьму минут десять. Мысль купить ее мелькнула было в голове, но тут же улетучилась. Эта красавица мне про-

сто не нужна. Все остальное тем более не нужно.

«Магические предметы! – вспомнила я. – Есть еще магические предметы, но они мне тоже не нужны!»

Бросив последний взгляд на ведьму, словно прощаясь, я пошла к выходу. В прихожей никого не было. Я постояла там минуту-другую, несколько раз позвала:

– Эй, есть тут кто-нибудь? – но мне никто не ответил.

Дверь была не заперта, и я вышла на улицу. Снова, как и час назад, пошла вдоль парка, только в обратную сторону, домой. Шла, испытывая странное, муторное чувство дискомфорта, объяснить которое не могла. То есть настроение у меня и до того было хуже некуда, но теперь к нему прибавилось еще что-то... Тревога, тоска... И внезапная радость – предчувствие снега и наступающих праздников – испарилась без следа.

Я добралась домой около девяти. Включила телевизор. Села на диван, даже не заметив, что не сняла пальто. Лукавое ведьмино личико стояло у меня перед глазами, и я вдруг подумала: каково ей находиться среди грубо сработанных дешевых игрушек? Я вспомнила своих незатейливых коллег, с которыми делила комнату, их грубоватые шуточки, откровенность, с которой они обсуждали взаимоотношения полов... Взглянула на часы, они показывали двадцать минут десятого. Я вскочила с дивана и бросилась вон из квартиры.

Я не помню, как я добиралась до «Астарты». Могу сказать лишь одно – такси мне поймать не удалось. Наверно,

таксисты в этот вечер устроили забастовку. Я мчалась сломя голову, и, когда нажала на кнопку звонка на голове химеры, часы на городской площади захрипели, собираясь начать бой. Дверь вдруг распахнулась. Давешняя женщина с высокой прической стояла на пороге. От ее любезности не осталось ни следа.

– Закрыто! – процедила она сквозь зубы.

– Еще нет десяти, – возразила я, и она неохотно посторонила.

«Бум-м-м!» – начали бить часы. Я влетела в цех игрушек и бросилась к знакомому проходу между полками. Там, где совсем недавно стояла ведьма в лиловом платье, было пусто. Я растерянно металась между рядами. Напрасно! Моей ведьмы там уже не было. Неужели продана? Неужели кто-то купил ее? Я чуть не плакала, а тут еще хозяйка магазина стояла над душой...

И вдруг я увидела ее! Ведьма в лиловом платье лежала на последней полке стеллажа, почти у самого пола, совсем незаметная. В этот самый миг часы на площади пробили десять.

Женщина с высокой прической, не произнеся ни слова, взяла у меня деньги и выбила чек на допотопном, клацающем зубами кассовом аппарате. Достала громадный лист тонкой желтой бумаги, выдернула куклу у меня из рук, стала заворачивать и обвязывать шпагатом. Я забрала покупку и во второй раз оставила пределы «Астарты».

Не оборачиваясь, я летела по тротуару, прижимая к се-

бе приобретенное сокровище, чувствуя позвоночником, что женщина с высокой прической, которую я про себя окрестила Астартой, все еще стоит на крыльце и смотрит мне вслед. «Подумаешь, задержалась из-за покупателя на лишних пять минут. Не велика беда! Нечего было приглашать», – утешала я себя. Наконец, не выдержав, оглянулась – на крыльце было пусто, свет в окнах погас, и дом приобрел нежилой вид.

На коврике перед моей дверью находился какой-то предмет, который я заметила с нижней лестничной площадки. Я поднималась пешком, так как лифт снова не работал. Предмет небольшой, вернее, совсем маленький, черный и округлый. Оказалось – котенок. Он сидел на коврике у двери и смотрел, как я поднимаюсь по ступенькам. Подпустив меня на достаточно близкое расстояние, он вдруг испустил пронзительный вопль, странный для такого маленького существа. «Тише, – сказала я. – Ты откуда взялся?» Он взвыл еще раз. Я присела на корточки, положив сверток с ведьмой на пол. Котенок был тощий, взъерошенный, с крупной головой и большими, как лопухи, ушами. На крохотной мордочке сияли неправдоподобные зеленые глазищи. Он напомнил зайца из венского музея современного искусства, которого я видела когда-то. Заяц был много меньше живого, но покрыт настоящей шерстью. А глаза были в натуральную величину, что производило диковатое впечатление. Котенок, задрав голову, смотрел мне в лицо. Насмотревшись, раскрыл розовую пасть и снова мяукнул. У меня зазвенело в ушах.

Просто удивительно, откуда в этом тщедушном теле брался такой пронзительный звук.

«Тише!» – сказала я строго. Котенок встал на задние лапки, передними опираясь на мое колено. Я почувствовала его острые коготки. Не успела я опомниться, как он вскарабкался ко мне на колени, взлетел на плечо и ткнулся холодным влажным носом в щеку. И тут же испустил сложную вибрирующую руладу – замурлыкал. Я схватила котенка, ощутив в руке мягкое теплое хрупкое тельце, но оторвать зверька от плеча мне не удалось – когти у него были острые и лапы – неожиданно сильные. Так мы и зашли в квартиру: я с ведьмой в руках и котенок на моем плече.

В квартире котенок безропотно позволил снять себя с плеча. Я положила сверток на журнальный столик, а котенка посадила рядом. Был он темно-серый, а не черный, с серой кнопкой носа. С торчащей дыбом негустой шерсткой и коротким хвостиком. С несуразно большой головой на тоненькой шее и большими ушами, атласно-розовыми изнутри, которые не помещались на макушке и съезжали набок. И глазами, как ягоды крыжовника. Не красавец, однако.

– Ты кто такой? – спросила я, и он мяукнул в ответ. – Анчутка! – вспомнила я словечко, которым наша соседка называла свою безалаберную невестку. В моем понимании существо по прозвищу «анчутка» было нелепым, растрепанным и несуразным. – Анчутка! – позвала я, и он снова мяукнул. Закрыв глаза и оглушительно замурлыкал. – Вообще-то, мне

не нужна кошка, – сказала я запоздало, но он притворился, что не слышит.

Я освободила ведьму из бумаги, расправила платье, поправила берет. Хороша! Конечно, на журнальном столике ей не место, а где место? Я оглянулась. Полочка на подставке торшера! Пожалуй. Свет падал на ведьму сверху, отчего ее лицо приобрело таинственное выражение. И лукавства прибавилось. И ножка в полосатом чулке приподнялась выше, и ручка с метлой отставилась дальше. И колечки волос засверкали нестерпимым блеском.

Я сидела на диване, улыбаясь до ушей. Смотрела на ведьму. Анчутка полузакрыв глаза, поставил зрачки вертикально и тоже смотрел на ведьму. Даже мурлыкать перестал.

– Красавица, правда? – сказала я ему, и он дернул хвостом в знак согласия. – Как же мы ее назовем? – раздумывала я вслух. – Норма? Коринна? Эльвира? Моргана? Викка?

Тут мне пришло в голову, что на товарном ярлыке должна быть всякая информация – артикул, наименование изделия и ряд других полезных сведений, а также инструкция по эксплуатации. Ну, что-нибудь вроде: *«Ведьма хеллоуинская, зовут Эвридика, мейд ин Чайна, держать вдали от огня, не ронять, не купать, не раздевать, не причесывать, не... не... не... Счастливого Хеллоуина!»* Я взяла ведьму с подставки и стала искать ярлык. Я обследовала изнанку платья, берет, сняла и рассмотрела сабо и полосатые чулки – ничего! Производитель решил, видимо, остаться анонимным. «Как же

тебя зовут?» – спросила я. Ведьма молчала, глядя загадочно, улыбаясь чуть приподнятыми уголками рта. Анчутка мурлыкал, сидя на столике, и казался вполне довольным жизнью. Я снова взяла ведьму, приподняла пышную гриву волос и увидела на шее сзади крошечное прямоугольное клеймо, на котором было выбито лишь одно слово: «Sheba».

Шеба? Тебя зовут Шеба? Шеба... А что, подходит! Имя языческое, древнее, чуждое слуху, полное мистики...

– Шеба! – позвала я, и Анчутка мяукнул в ответ. – Тебе тоже нравится? А кто такая Шеба?

Глава 3

Водолеев ждут приятные перемены в судьбе. Главное, не сопротивляйтесь!

Уже утро, а за окном все еще темень. Телеастролог, мужчина с загадочным лицом, глядя на меня пронизательными черными глазами, объявил, что сегодня – девятый солнечный и двадцать второй лунный день. Солнце находится в знаке Скорпиона, Луна покидает знак Рака и переходит в знак Льва. Знаки Воздуха – Близнецы, Весы и Водолеи – находятся на первом месте лунного календаря, а посему их ждут неожиданные события и внезапные повороты судьбы. Они полны оптимизма, испытывают прилив творческих сил и готовы принять вызов судьбы. Главное, не пропустить нужный поворот и прислушаться к голосу сердца.

Спасибо, уже наслушались!

Между прочим, даже в разгар нашего с Жорой романа толстый астролог обещал мне как Водолею каждый день с три короба – и радостные встречи, и приятные перемены в жизни, и замечательные известия. Он ни разу не сказал: «Беги, кролик! Убегай! Уноси ноги, пока не поздно, эти игры не для тебя. Будет больно!»

Представляешь, сказала я Шебе, он меня бросил! Тебя, например, когда-нибудь бросали? Знаешь, что испытывает брошенный человек? Брошенная женщина? Шеба молча смотрела на меня, внимала. Хотя, с другой стороны, кого тут винить, продолжала я. Жора ничего мне не обещал. Я сама, по доброй воле, в здравом уме и твердой памяти... Он ничего мне не обещал, слышишь? Это было бы еще хуже. Не обещал ни белого платья, ни свадебных колоколов. Я сама себе все придумала. Вообще, нет хуже, когда придумаете себе человека, а потом начинается трагедия, потому что он не соответствует. Трагедии не будет, пообещала я Шебе. Я его забуду. Не сегодня завтра. Ты мне веришь?

Шеба сочувствовала, уголки рта поползли вниз. Конечно, забудешь, словно говорила она, а куда ты денешься? В утреннем свете ведьма казалась бледной и слегка утомленной. Видимо, еще не привыкла к новому месту. Да и я выглядела не наилучшим образом. Один Анчутка был, кажется, счастлив. Он лежал на диванной подушке, влажный после умывания, похожий на ежика. Светил розовыми ушами. Переваривал завтрак.

Я застыла посреди комнаты с кухонным полотенцем в руках. Жора заглядывал мне в лицо и улыбался... улыбкой, от которой останавливалось сердце. Гладил мои волосы...

«Хватит!» Я сказала это так громко, что Анчутка испуганно вскочил с подушки, выгнул спину китайским мостиком и задрал хвост.

...Мы лежали на диване, смотрели фильм «Talk to her» испанца Альмодовара. Я видела лишь один его фильм, тот, кстати, где впервые снялся юный Антонио Бандерас. На английском языке. Жора, как оказалось, был человеком мира. Снобизм его заключался не только в физическом антураже, но и в духовном. Поколение постдиконакопительской эпохи. Предки утонченных английских аристократов тоже грабили на морях и суше. Жора говорил на английском, так как закончил в Лондоне школу экономики и бизнеса. В Америке он тоже что-то закончил, а во Франции, в Каннах у него была собственность, о которой он небрежно упомянул, сказав что-то вроде – тебе там было бы интересно, ты знаешь язык... В Испании собственность была у его папы – вилла на берегу моря неподалеку от Барселоны. Сам Жора подумывал прикупить себе домик в Умбрии – что-нибудь старинное, в одичавшем, заросшем кустами жасмина и азалий саду, с вьющимися по стене шпалерными розами. Но еще не решил окончательно. Это были мысли вслух. Причем говорил он все это без малейшего намерения произвести на меня впечатление. Он не хвастался. Он жил в этом мире, таком немыслимо далеко от меня, и ходу, как оказалось, мне туда не было. Конечно, и миллиардеры женятся на официантках, бывает. Бывает, черт побери! Но на всех официанток не напасешься миллиардеров. Даже миллионеров не напасешься. Даже просто приличных хороших парней и то не напасешь-

ся...

Да, так о чем я? Мы, лежа на громадном диване, обнявшись, смотрели фильм испанского режиссера. В богатой, даже роскошной, Жориной квартире, которая мне так нравилась...

...Бескрайняя гостиная с прекрасной, темного дерева мебелью, граненые, тускло сверкающие стекла серванта – вполне возможно, хрустальные, отделка тонкой латунной полосой по периметру благородных выпуклостей, львиные лапы стола и стульев. Без хамства, зеркального блеска и цветного пластика. Бледно-оранжевый с оливковым, даже как бы слегка выцветший от времени, ковер на полу казался настоящей драгоценностью даже моему неискушенному взгляду. Белые аскетичные стены, скромная люстра – дерево и черный металл, кожаные диваны с подушками, выдержанные в оранжево-коричнево-багровой гамме. Задернутые шторы на окнах в тон всему остальному – глухого оранжевого цвета. Матовый экран большого плазменного телевизора, который я сразу узнала – видела на рекламе в каком-то журнале. Сочетание больших денег и аскезы было поразительным – здесь поработал хороший дизайнер. Я помню, как остановилась на пороге, раскрыв рот...

Жорина кухня также поражала воображение девственным сверканием металлических устройств, агрегатов и приспособлений, которыми никто никогда не пользовался. Жора готовил здесь лишь кофе. Потемневшая, грубо сработанная,

старинная джезва стояла на черной полированной поверхности электрической плиты. На светлых шкафах и буфетах повторялся один и тот же рисунок маслом, исполненный в нарочито грубой деревенской манере – бледно-красная роза, отдельно и в букете, окруженная блекло-зелеными листьями. Бледно-красная роза была также и на сиденьях табуреток. Сочетание металла и крестьянской мебели создавало потрясающий колорит.

Наследный принц Жора... Старая пословица – соль земли, об одежке, по которой встречают, и уму, по которому провожают, всегда казалась мне не вполне корректной. Встречают, конечно, по одежке, но согласитесь – глупость в богатой одежке уже как бы и не глупость, а, скажем, эксцентричность и непосредственность, не так ли?

Это не о Жоре. Жора умен в любой одежде...

...Фильм был необычен, как и другие фильмы культового испанца. История девушки-балерины, впавшей в кому после аварии. Безутешный отец нанимает ей сиделку, молодого человека, дауна, но вполне вменяемого, который нежно за ней ухаживает – умывает, купает, расчесывает длинные волосы и кормит. И все время говорит с ней, абсолютно уверенный, что она его слышит. Девушка лежит с бессмысленным лицом, уставясь взглядом в потолок. В палате рядом лежит другая женщина в таком же состоянии, по профессии тореадор, а ее друг, журналист, сидит рядом. Даун убежда-

ет журналиста говорить с женщиной, но журналист не может заставить себя переступить некую черту, зная, что его подруга за гранью и не услышит. Потом девушка-балерина оказывается беременной, и дауна сажают в тюрьму. Подруга журналиста приходит в себя и бросает его. Он посещает дауна в тюрьме, тот говорит о своей любви и не понимает, почему их разлучили. Он готов жениться на девушке. Потом он умирает от сердечного приступа. Ребенок рождается мертвым, а девушка-балерина, к изумлению врачей, приходит в себя. Журналист спустя год, кажется, знакомится с девушкой и узнает в ней ту самую балерину, которая была в коме. Она испытывает к нему странное влечение, дежавю, чего, естественно, не может объяснить. Ему же известна та часть ее жизни, о которой она и не подозревает – любовь, мужчина, ребенок. Но он никогда ей об этом не расскажет...

Мы молчим. История действительно необычна. Как правило, в любой истории присутствует элемент назидания – добро побеждает зло (или, наоборот), добродетель награждается, маленький хороший человек получает по заслугам, равно, как и большой, но плохой, а бедная девушка – большую любовь. И так далее, что оставляет читателя или зрителя в приятной уверенности (вопреки здравому смыслу), что где-то там есть кто-то, кто все видит, взвешивает, подсчитывает и в итоге предъявляет векселя к оплате, а также воздаст. А от истории, рассказанной испанцем, такого чувства не возникало. Просто история... Виток судьбы.

– Ты такая красивая, – произносит вдруг Жора, поворачиваясь ко мне и целуя в висок. – И умная. Я таких не встречал... В тебе гармония и мягкость... Как же я мог без тебя столько времени?

В голосе его море нежности. Как герой фильма, даун, Жора говорит и говорит, лаская и обволакивая меня словами...

Шеба смотрит на меня синим взглядом и, кажется, вздыхает. Анчутка примостился рядом с ней на полочке. Таращит зеленые глазищи, потом зевает, показывая острые клычки и розовую пасть. «Вы и ваша любовь! – словно говорит он. – Не понимаю, зачем усложнять себе жизнь!»

* * *

Суббота. Жизнь продолжается, труба зовет, куча дел впереди. Большая куча. Во-первых, вынести мусор и принести со двора песок. Анчутка получает обыкновенный песок из детской песочницы, а не ароматизированный гранулированный песок для богатых котов из аристократических семейств. Се ля ви, а также каждому свое. Потом нужно приготовить обед... хоть раз в неделю. Анчутке, кроме молока, нужно горячее, вернее, теплое – суп или каша. Он ведь растет. И витамины. Потом нужно достать и пересмотреть зимние вещи, спрятать летние, накраситься для самоутверждения, позвонить Танечке Сидоровой и вытащить ее ку-

да-нибудь погулять. Вон день какой! Солнце, синие небеса... Можно побродить по парку, пошуршать листьями. Поговорить за жизнь... поплакаться на широкой Танечкиной груди в ее с готовностью подставленную уютную жилетку. Дел – непочатый край!

Проходит еще полчаса. Я не двинулась с места – продолжаю лежать в постели, бессмысленно глядя в окно. Звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть и испуганно замереть. Кто? Сейчас никто не ходит в гости без телефонного предупреждения. Я лихорадочно решаю, что делать. Притвориться, что никого нет дома? Звонок повторяется. Человек за дверью терпеливо ждет, что ему откроют, и не уходит. Проходит долгая минута. Снова звонок. Противный, тонкий, скрежещущий, как ножом по стеклу. Допотопный, родительский еще механизм. Сколько раз я давала себе слово купить новый, нежный и мелодичный... Опять звонят! Ну что ты будешь делать! Человек за дверью, как герой анекдота, не понимает намеков и намерен ждать, пока ему не откроют. Я сползаю с кровати, набрасываю халат, на цыпочках иду в прихожую. Заглядываю в глазок и вижу парня в спортивном костюме, который смотрит на меня с той стороны. Лицо его кажется мне смутно знакомым. Хотя, с другой стороны, все молодые, румяные и нахальные физиономии похожи друг на друга. Правда, парень не выглядит нахальным. Уловив шевеление в квартире, он произносит:

– Извините, пожалуйста, я ваш сосед из двадцатой, мы

вместе выбрасываем мусор... Откройте, пожалуйста!

Интересно, зачем, думаю я. Кажется, мы действительно сталкивались раз или два у мусоропровода. Хотя полной уверенности на сей счет у меня нет. Романтичными подобные отношения вряд ли назовешь, и уж, разумеется, это не повод, чтобы ни свет ни заря – еще и десяти нет – ломиться в дверь к незнакомому человеку. К незнакомой женщине. Голос у него, нельзя не признать, довольно приятный.

– Пожалуйста, – слышу я с площадки. – Я захлопнул дверь!

Захлопнул дверь? И теперь собирается лезть через мой балкон к себе? И непременно сорваться, как сорвался пьяница из соседнего подъезда четыре года назад? Весь дом тогда просто трясло от слухов и домыслов – выкинули его дружки, или он выбросился сам после ссоры с любимой женщиной в приступе белой горячки?

Я все-таки открываю дверь. Не могу я бросить человека на произвол судьбы. Он так стремительно влетает в прихожую, словно боится, что я передумаю. Останавливается, глядя на меня.

– Доброе утро, – говорит он. – Еще раз извините.

От его спортивного костюма пахнет холодом и улицей, кроссовки снежно-белые, на щеках яркий румянец, в глазах ни малейшего намека на вину, а только любопытство. Видимо, бегал. Из тех правильных парней, которые ведут здоровый образ жизни. Он мне не нравится. Чувство это усугуб-

ляется осознанием того, что я стою перед ним в тесной прихожей, в халате и тапочках, неумытая, растрепанная, кислая.

– Чем могу помочь? – спрашиваю сухо. – Хотите лезть через балкон?

– Через балкон? – удивляется он. – Моя квартира на другой стороне дома!

Он смотрит на меня как на идиотку. Немая сцена. Ну и пошел бы к кому-нибудь поближе... к той стороне дома! Если не балкон – что тогда?

– Мне нужны какие-нибудь инструменты, чтобы открыть дверь, – объясняет он.

– Отмычки? – спрашиваю я иронически.

– А есть? – радуется он.

Я, не ответив, иду в кухню. Выдвигаю нижний ящик шкафчика, где лежит всякий хлам, вроде мотков шпагата и проволоки, напильника, старых ключей, использованных электрических батареек, молотка и щипцов-гвоздодеров. Парень, присев на корточки, копается в этом добре, рассчитывая найти жемчужное зерно. Я стою у него над душой, сверля взглядом между лопатками, сложив руки на груди – поза, свидетельствующая об отсутствии симпатии и понимания. Он, наконец, находит какие-то металлические штуки, которые, как ему кажется, помогут открыть дверь. Смотрит на меня снизу вверх. На физиономии ухмылка. Глаза голубые и, кажется, все-таки нахальные. Тут появляется Анчутка, страшненький, на кривых коротких ножках – даже

неудобно за него. Усаживается на пол напротив спортсмена. Семья каких-то уродов, думаю я самокритично.

– *Фелис катус*, – говорит он и протягивает руку к котенку. – *Люпус негрус*. – Анчутка обнюхивает его руку, вытягивая шею, и издает вопль, от которого звякают подвески на кухонной люстре. – Однако! – удивляется спортсмен. – Славный малыш, – говорит он мне. – Очень редкая порода в наших широтах. Откуда такое чудо?

– Подарили друзья, – отвечаю я. «Фелис катус» – кот на латыни, это я еще помню. «Люпус негрус» – «черный волк»? Это что, порода такая? Я смотрю на котенка – и это волк? Не смешите меня! А откуда моему соседу известно, как будет «кот» на латыни, и... вообще?

Анчутка повторяет свой любимый фортель – вдруг вспрыгивает гостю на колени, оттуда взбирается на плечо и тычется носом в щеку. И выдает оглушительное мурлыканье. Спортсмен смеется и говорит:

– Кстати, я не представился. Владимир Маркелов из двадцатой квартиры.

– Наталья Васильевна, – отвечаю я сдержанно.

– Очень приятно, – говорит он и осторожно снимает Анчутку с плеча. Поднимается, говорит «спасибо» и выходит из кухни. – Инструменты верну, как только открою дверь, – добавляет уже с порога. Еще раз повторяет: – Спасибо, – и исчезает. Дверь за ним захлопывается, и я остаюсь одна. Вернее, с Анчуткой, который тоже вышел проводить гостя.

Разумеется, я сразу же подхожу к зеркалу, чтобы взглянуть на себя его глазами. Да... вид на Мадрид.

– Ты все слышала? – спрашиваю у Шебы. Она едва заметно кивает и щурит глаза. – Ну и... что бы это значило?

Она пожимает плечами – сосед как сосед. Ровным счетом ничего не значит. Никаких тайн. Бегаёт по утрам, в то время как некоторые – не будем показывать пальцем – валяются в постели. И глаза голубые. Мне всегда нравились мужчины с голубыми глазами, говорит она мечтательно. Серые лучше, не соглашаюсь я. Стальные серые глаза, как у... Жоры. Мужественный взгляд, сильный характер. А голубые... даже не знаю. Голубые все-таки лучше, настаивает Шеба...

Ты бы привела себя в порядок, говорит она через минуту. Он придет вернуть инструменты, а ты все еще в халате. И накрась губы. Запомни правило номер один для каждой женщины: никогда не принимай гостей с ненакрашенными губами. Даже мусор выноси накрашившись. Поняла? Я только хмыкнула – в наше время это необязательно. Глупости, сказала Шеба. Это всегда обязательно. И не вздумай надеть джинсы, слышишь? У тебя есть приличные чулки? «Такие, как у тебя?» – ехидничаю я. Хотя бы и такие, все лучше, парирует она. Чулки подстегивают воображение мужчины. Или что там у вас... колготки! И никаких тапочек. Хорошенькие туфельки... те, замшевые, на каблукке. Зачем мне подстегивать его воображение, защищаюсь я. Он мне даже не нравится! Потому что такая твоя женская планида, гово-

рит Шеба, теряя терпение. До чего же вы все убогие, честное слово! На всякий случай.

Через час примерно раздался звонок в дверь. Не спрашивая, кто, я открыла. Владимир Маркелов стоял на пороге в красивом оранжевом свитере и джинсах. У ног его, задрав хвост, сидел здоровенный рыжий котище с неприветливой самурайской рожей. На толстой шее его виднелся широкий собачий ошейник с металлическими заклепками. «Вот, принес инструменты», – сказал Владимир и, не дожидаясь приглашения, двинул в кухню. Рыжий котище шмыгнул у него между ног и исчез в гостиной. Я зацокала каблуками вслед гостю, чувствуя себя по-дурачки в узкой черной юбке и обтягивающем свитерке цвета лесного мха. Еще подумает, что я вырядилась так ради него. И незачем было тащить сюда своего кота.

Из гостиной вдруг послышался знакомый пронзительный вопль, после чего утробное мяуканье, звуки прыжков и падения на пол каких-то стеклянных предметов. Я бросилась в комнату. Посередине, почти упираясь лбами, стояли Анчутка и рыжий котище. Анчутка, раздутый, как шар, был много ниже, и рыжему пришлось нагнуться. На полу валялись подушки с дивана и разбитая хрустальная ваза, бабушкина, столетняя. Настоящий хрусталь, а не современная штамповка.

Анчутка издал вопль, от которого кровь стыла в жилах.

Рыжий взвыл басом. Анчутка проворно треснул его лапой по носу и отскочил.

– Брысь! – закричала я, бросаясь к драчунам. – Заберите своего кота! – это уже соседу, который прибежал из кухни следом за мной.

– Это не мой кот! – ответил он. – У меня нет кота!

– Он пришел с вами! – настаивала я, пытаюсь поймать Анчутку, но не тут-то было. Он увертывался от моих рук и вопил уже без перерыва. Рыжий отвечал в другой тональности. Царапина на его носу налилась кровью. Оба двигались по кругу, не выпуская друг друга из виду. – Хватайте рыжего! – приказала я. – Возьмите плед!

Мой сосед ловко накинул на рыжего плед и схватил его на руки. Тут же зашипел от боли – рыжий, высунув мускулистую лапу из пледа, вонзил когти ему в руку. При этом он издавал бойцовские вопли в самом нижнем регистре. Мне удалось схватить Анчутку, который дрожал от возбуждения и вырывался. Я закрыла его в ванной и вернулась в комнату. Мой гость прижимал к себе орущего кота, завернутого в плед. Что делать дальше, он, видимо, не знал. Из ванной комнаты верещал Анчутка. Молодой человек посмотрел на меня вопросительно.

– Несите его сюда! – приказала я, бросаясь в прихожую, и распахнула входную дверь: – Вытряхивайте!

Он вытряхнул рыжего разбойника из пледа, тот тяжело шлепнулся на пол и немедленно бросился обратно в кварти-

ру. Но мой сосед оказался проворнее и захлопнул дверь, отсекая рыжего. Мы посмотрели друг на друга – растрепанные, красные, взмокшие – и расхохотались.

– Откуда же он взялся? – спросил Владимир.

– Он пришел с вами, – ответила я.

– Не заметил, – удивился он. – Вообще-то, я его уже где-то видел. Кажется, он из нашего дома.

– На ошейнике должен быть адрес и телефон, – сказала я. – Можно посмотреть, если хотите.

Мы снова расхохотались. Тут я заметила, что у него исцарапана рука, причем довольно глубоко.

– Нужно остановить кровь, – сказала я. – Пошли!

Ну, дальше все было как в кино. Он сидел на табуретке. Я, стоя рядом, совсем близко, разрисовывала йодом его руку. Он мужественно морщился, но не издавал ни звука. Потом я заметила, что он украдкой рассматривает меня. К своему неудовольствию, я покраснела, как сельская барышня. Опустила взгляд, чтобы полюбоваться еще раз своими новыми замшевыми туфлями, и обнаружила широкую стрелку на чулке. Черт! Оказывается, я тоже пострадала в кошачьей войне. Силой воли я удержала себя от желания немедленно бежать переодеваться. Не суетись, сказала я себе. Один автор, мужчина, естественно, заметил однажды, что женщина в разорванном чулке выглядит очень сексуально. При Жоре я себе такого не позволила бы. Но в кухне со мной сидел не

Жора, а сосед Володя, незатейливый молодой человек, бегающий по утрам и ведущий здоровый образ жизни. К тому же исцарапанный неизвестно откуда взявшимся котом-персом. Стрелка на моем чулке его смущала, судя по тому, какие он бросал взгляды на мои ноги. Мне стало смешно.

– Удивительно, – сказал вдруг Володя, – никогда не слышал, чтобы чужой кот врывается в квартиру и так по-хамски вел себя. У персов характер довольно сложный, но не до такой же степени! Уж скорее, ваш черный волк... Сторожевая собака, а не кот.

– Откуда вы знаете?

– Случайно, – ответил он и покраснел. – У моей знакомой был кот... и я читал...

– Хотите кофе? – спросила я. Мне было неинтересно слушать про его знакомую.

– Хочу, – ответил он с облегчением. – Я принес пирожные. Тут только я заметила на столе бумажный пакет и спросила бесцеремонно:

– Какие?

Удивительное дело – если мужчина не нравится, то есть не нравится как мужчина, с ним так легко и просто! А если нравится, то начинаются сплошные паузы, комплексы и бесконечные вопросы – ах, как я выгляжу? Как я одета? Причесана ли? Ой, кажется, ляпнула глупость... не надо было про политику... и все такое.

– Даже не знаю, – ответил он, подумав немного. – Я по-

просил продавщицу положить разные.

...Мы пили кофе и болтали ни о чем. О погоде, книгах, двери в парадном, на которой все время ломают замок. Он спросил, наконец, где я работаю. Я сказала, что в банке. Он удивился – я совсем не похожа на банковских служащих. Он и это знал – наверное, одна из его девушек работала в банке.

– Я закончила иняз, – призналась я.

– А почему же тогда банк?

Жора тоже удивлялся.

– Так получилось, – я пожимаю плечами. – Переводчиков полно, учителей тоже. А вы?

Он оказался программистом. Свободным художником, который выполняет проекты для разных фирм.

– А вы пробовали искать работу по профилю? – вернулся он к теме моей профессии.

«Не твое дело», – подумала я, но сказала, естественно, совсем другое.

– Пробовала, – сказала я. – Я и сейчас покупаю газеты с объявлениями, но нужны в основном секретарши, бухгалтеры и уборщицы. И всякие... – я замялась.

– Ну, кто сейчас ищет в газетах! – удивился он. – Самые клевые предложения только в Интернете. Можем поискать!

– Да искала я! Даже отправляла, но мне никто так и не ответил. А два месяца назад мой компьютер сгорел. В мастерской сказали, полетел жесткий диск и дешевле купить

новый. А до нового руки не дошли. – О том, что свободных средств на покупку техники у меня нет, я скромно промолчала. Кроме того, инерция и неверие, что обломится, – все приличные места давно заняты.

– И вы два месяца без компа? – поразился он. – А почта? А Скайп? А Фейсбук?

– Так и мучаюсь, представляете? – не удержалась я. – Бегаю в интернет-кафе, если что. А с другой стороны, какая разница? Я уверена, что объявления дублируются.

– Ну что вы! Далеко не факт. Разница есть. – Его улыбка показалась мне снисходительной. – Если нужен, например, специалист, знакомый с компьютером, то никто не будет помещать объявление в газете. Если нужен человек со знанием языков, то объявление будет на иностранном языке. Таким образом, исключаются люди, не знакомые с Интернетом и не знающие языков. То есть объявление уже само по себе – начало экзамена. Можно попробовать, если хотите, – повторил он.

В итоге, валяя дурака и смеясь, мы составили красивое устное объявление о женщине с университетским образованием, стажировавшейся за рубежом (три месяца в Австрии в рамках программы по обмену студентами), свободно владеющей тремя европейскими языками. Опыт работы: переводы, туристический бизнес (всего полгода, потом фирма разорилась), педагогика, тьюторинг (ну, был у меня один ученик – сын бывшей коллеги, учительницы русского языка и

литературы – олигофрен, по-моему). Под занавес мы добавили, что соискатель не возражает против зарубежных командировок (ха! кто бы возражал!).

– Вам обязательно нужно купить компьютер, – вздохнул он. – Я не понимаю, как можно без...

– Никак! – поспешила я. – Но купить хороший компьютер безумно сложно, того и гляди подсунут какую-нибудь дрянь. Да и с моделью тоже напряженка, выбор сумасшедший, попробуй реши – какую.

Он страшно возбудился и следующие полчаса рассказывал мне обо всех моделях компьютеров, ноутбуков, планшетов, какие только можно купить в наших магазинах. Внешний вид, технические характеристики, сроки гарантии и цена. В итоге он сказал, что компы сегодня только ленивый не производит, и нет особой разницы, кто производитель, особенно для пользователя – тут он скользнул по мне быстрым взглядом. Программисты – другое дело. Глаза его горели вдохновением и любовью – он был готов немедленно мчаться в лавку покупать мне компьютер. Любовь к технике, разумеется. Все-таки мужчины в чем-то остаются детьми, даже очень неглупые. Им нужны игрушки. Жора, например, коллекционирует каменных зверушек... Кроме женщин, автомобилей, костюмов и наручных часов, всяких «Ролексов» и «Омег» – это из того, что я видела.

Мы допили кофе и доели пирожные. Их было шесть – эклеры, корзиночки и наполеон, каждого по два. Женщина,

съедающая три пирожных в один присест – какая уж тут романтика! При Жоре я себе такого... ну, сами понимаете.

Наконец, в разговоре наступила пауза. И тут, к счастью, появился Анчутка, которому удалось выбраться из ванной. Нисколько не обидевшись, он взобрался на колени гостя, а оттуда попытался забраться на стол. Он уперся передними лапками в край стола и присел на задние, готовясь взлететь.

– Нельзя! – сказала я страшным голосом. – Сюда (я постучала пальцем по столу) – нельзя! Табу!

Он уставился на меня своими зелеными крыжовинами, в которых, честное слово, стояли слезы. «Вы тут развлекаетесь без меня, – говорил его взгляд, – лопаете всякие вкусные вещи, наполеоны и эклеры, а я?»

– Бедняга, – сказал Володя, сгребая котенка рукой и прижимая к груди. – Мы про тебя совсем забыли. А ты, как стойкий оловянный солдатик, бросился на пришельца.

Он взял со своей тарелки недоеденное пирожное и предложил Анчутке. Тот потыкался в пирожное носом и стал есть, деликатно откусывая. Сидя на его груди и щекоча длинным розовым ухом его подбородок. Они были так заняты друг другом, что совсем забыли обо мне.

– Еще кофе? – спросила я, и они оба с удивлением воззрились на меня. Анчутка даже жевать перестал.

– Нет, спасибо, – ответил Володя. – Две чашки и три пирожных для меня... это... это... – он замялся, подыскивая слово.

– Нарушение режима? – ехидно подсказала я.

– Вроде того, – ответил он. Осторожно снял Анчутку со своей груди и опустил на пол вместе с пирожным. – Мне пора.

Уже у двери он снова вернулся к собственному предложению.

– Хотите, напишем объявление прямо сейчас? – произнес он это слишком небрежно, не глядя на меня, и слегка порозовел скулами. – Я могу принести ноутбук.

Рыжего перса с самурайской разбойничьей мордой на лестничной площадке уже не было.

Глава 4

Вызов

Володя вернулся через тридцать минут. Как свой, прошел прямо в кухню, поставил на стол белый металлический кейс. Раскрыл. Взглянул на меня – поехали? Я кивнула.

Плод совместных усилий в законченном виде выглядел следующим образом:

«Молодая женщина приятной наружности (тут наши мнения разошлись – я считала, что в такого рода информации нет никакой необходимости, но Володя сказал, что это повышает мои шансы. При этом он бесцеремонно меня рассматривал) с университетским образованием, свободно владеющая тремя европейскими языками, проживавшая долгое время в одной из европейских стран, ищет интересную, хорошо оплачиваемую работу в качестве секретаря-референта в сфере бизнеса, политики (что за бред!), художественного и технического перевода, туризма. Возможны также педагогика и тьюторинг. Поездки за рубеж приветствуются. Резюме предоставляется по первому требованию».

Электронный адрес прилагается. Даже два. Мой собственный и Володин, для солидности и надежности. «Уж я-то не пропущу», – заявил он снисходительно.

Мы еще раз перечитали объявление. Женщина, о которой

шла речь, была мне незнакома. Это была светская дама, молодая, красивая, предприимчивая, проживающая постоянно за границей и оказавшаяся дома совершенно случайно – скажем, приехала получать наследство после смерти богатого дядюшки и застряла по причине... ностальгии. Прекрасно одетая... Я бросила взгляд на свои рваные чулки. Знающая, чего хочет, и умеющая отсечь все, что может мешать успешной карьере. Даже любовь! Карьера версус любовь. Женщина из объявления, вне всякого сомнения, выберет карьеру и экономическую независимость. Жребий брошен, и Рубикон остается позади. Только непонятно, что общего у меня с этой женщиной... А Володя... однако! Неужели он видит меня такой? Или просто дал волю фантазии? Интересно, бывает у программистов фантазия? Или они по жизни жестко придерживаются одних лишь фактов и математики?

И вообще, что ему нужно? Должна заметить, что все мы стали такими меркантильными и подозрительными, что совершенно перестали верить в добрые намерения и взаимопомощь, увы.

Сомнения, видимо, отражались у меня на лице – я поймала взгляд Володи, в котором светились любопытство, ожидание... еще что-то... азарт? Как будто он поспорил о чем-то сам с собой и теперь с нетерпением ожидает, кто выиграет.

– Нужно убрать про долгое проживание за границей. Три месяца всего...

– Уберем, – легко согласился он. – Еще есть замечания?

Я пожала плечами:

– Нет, кажется.

Мы помолчали.

– Кто такая Шеба? – спросила я вдруг, чем, видимо, озадачила его.

– Не знаю, – удивился он. – А что?

– А можно поискать в Интернете?

– Можно, в принципе, – ответил он. – Как пишется?

Я продиктовала. Он напечатал, побегал пальцами по клавишам и в итоге получил несколько десятков страниц о Шебе.

Оказалось, Шеба не кто иная, как царица Савская. Экзотическая и загадочная женщина, воплощение божественной мудрости, а также ясновидящая, о которой упоминают мировые исторические источники. Жила три тысячи лет тому назад в Сабе или Шебе, была такая доисторическая страна... Ученые до сих пор спорят, где она находилась. Одни считают, что на территории современной Эфиопии, другие настаивают на Йемене. Одна из легенд рассказывает, что во дворце царицы жили около двухсот кошек, поэтому в народе ее называли Королевой кошек. Но это недостоверно, утверждают известные ученые. Легенда эта, считают они, из разряда исторических сплетен и досужих выдумок.

– А Шеба имеет какое-нибудь отношение к Хеллоуину? – спросила я.

– К Хеллоуину? – удивился Володя. – По-моему, нет. Я думаю, Хеллоуин появился гораздо позже. И совсем в другом месте.

– Откуда вы знаете?

– Про Хеллоуин? Читал где-то... Все знают... Интересовался историей, – ответил он неопределенно. – Ну, что, закидываем?

– Валяйте, – разрешила я.

Его пальцы летали по клавишам, взгляд прирос к экрану, на лице рисовалось вдохновение. Он напоминал пианиста. Или... пришельца с технократической планеты, совершенной и гармоничной, не имеющей ничего общего с миром человека.

Потом мы снова пили кофе и ели бутерброды. Причем на сей раз Володя принес свой кофе. Удивительно практичный молодой человек. Его кофе был лучше моего и дороже. Удивительно, как много развелось богатых людей вокруг...

* * *

Еще из прихожей я услышала пронзительный телефонный звонок. Звонила Танечка Сидорова. Ее интересовало, как я. Подтекст – растоптанная, несчастная, униженная. Я ответила, что хорошо, чем удивила ее. Она уже готова была бежать на помощь, и мое «хорошо» выбило ее из седла. Чтобы не разочаровывать Танечку, я сообщила, что мне тяжело, но я

стараюсь изо всех сил держать себя в руках. Она вдохновилась и предложила пойти в парк подышать свежим воздухом.

Мои родители на старости лет сошли с ума, по выражению маминой подруги Али. Отец – бывший военный – ударился в бизнес, для чего три года назад переехал к своему брату и моему дяде Руслану на Дальний Восток. Дядя Руслан был торговым моряком, а когда вышел на пенсию, затеял бизнес по продаже леса и металлолома японцам. Дела шли ни шатко ни валко, но все-таки шли.

Мама часто звонит, втайне надеясь однажды услышать в трубке мужской голос, но... увы. А как Танечка Сидорова, спрашивает мама. И побаивается услышать в ответ, что с Танечкой все в порядке, вышла замуж, собирается рожать. Из-за Танечкиной радости моя неприкаянность покажется ей еще горше. Моя мама любит Танечку и желает ей счастья, но ей делается немного легче оттого, что нас, таких нескладех, двое.

Моя подруга Танечка Сидорова – цветущая жизнерадостная женщина. Кто-то, возможно, нашел бы ее... как бы это сказать... простоватой или не особенно умной, или просто толстой... что неправда! Просто Танечка говорит, что думает. Справедливости ради нужно заметить, что не столько говорит, сколько ляпает. Бывает, ничего не попишешь. И парадругая кэгэ лишнего веса в наличии. Зато в ней столько мягкости и желания утешить первого попавшегося горемы-

ку, прижать к своей пышной груди, даже одолжить деньги, что на работе она пользуется заслуженной любовью. У всех – даже у заклятых врагов. Чего-чего, а врагов в том месте, где она работает, навалом. Танечка работает костюмером в городском драматическом театре. Она – актриса в душе, она видит себя тонкой, стремительной, поразительно красивой и ведет себя соответственно. Разговаривает тонким детским голоском, обожает цитаты из пьес, сентиментальна и любит всех мирить. А также разнимать в драках и призывать к любви и дружбе. Другого человека уже давно бы сожрали с потрохами за подобные художества, но Танечку не только терпят, но и любят. Хотя и хихикают за спиной, и крутят пальцем у виска.

Однажды, когда новый режиссер накричал на нее и чуть ли не обозвал коровой – он сказал, что не потерпит неповоротливых, *как корова...* как корова! – весь коллектив дружно, как один, устроил ему импичмент. Даже подхалим и трус Трубецкой, герой-любовник, в едином порыве примкнул к массам, что было просто поразительно. И режиссеру пришлось просить у Танечки прощения и целовать ей руки. Он даже встал перед ней на колени – умным человеком оказался и незлым. И с чувством юмора. Только излишне взрывным. Они потом даже подружились. Режиссер был холост, да еще с язвой желудка, и Танечка подкармливала его домашней едой, причем без всяких задних мыслей.

Почему ее любили? Все до одного, включая климактери-

ческую Приму, бросающуюся косметикой и париками? Да потому что в Танечке Сидоровой не было ничего, ровным счетом ничегошеньки из того, что могло бы вызвать хотя бы намек на возможность соперничества, а только одна доброта и готовность немедленно бежать и выручать. «Ангел мой», — называл ее директор театра. Театральный художник Гриша изобразил Танечку в белой хламиде, похожей на пуховую перину, и с крылышками. А ведь ангел, как известно, существо бесполое...

Мы дружим с третьего класса, уже... даже страшно подумать, сколько лет. Танечка живет одна, замужем никогда не была, но мечтает о семье и детях. Она из тех немногих одиноких женщин, которые умеют есть красиво, а не питаются булочками и бутербродами. Когда я забегаю к ней на минутку по дороге домой, она тут же, не слушая возражений, принимается вытаскивать фамильное серебро и бокалы для вина. И ставит на стол плетеную корзиночку, где на салфеточке лежит красиво нарезанный хлеб. Салфетки, кстати, льняные, как и скатерть, а не бумажные. Мы не перекусываем, давясь, на ходу, косясь взглядом в голубой ящик. Мы обедаем или ужинаем, неторопливо беседуя. И никаких бормочущих под руку телевизоров!

На вверенном Танечке участке работы царит безукоризненный порядок. Кроме того, она отлично шьет. Платье, которое она мне одолжила для свидания с Жорой, было сшито ее руками. Давно уже, когда она была на несколько размеров

меньше.

...Мы бродили по парку. Жесткие листья пружинили под ногами. Между ними торчали пики удивительно свежей, мокрой от ночных заморозков и все еще зеленой травы. Запах стоял оглушительный – пахло грибами, палыми листьями, влажной землей. День выдался удивительно приятный – бледное солнце проглядывало на серо-голубом небе, было безветренно и очень тихо. Даже городские шумы куда-то отступили. Танечка подбирала листья кленов, которые собиралась раскрасить золотой и серебряной краской, сделать букет, добавив траву с кисточками, и таким образом еще больше украсить свой дом. Мы двигались очень медленно, так как Танечка выбирала самые красивые листья. Она поминутно останавливалась, нагибалась, поднимала лист с земли, рассматривала его внимательно со всех сторон и присоединяла к букету. Или бросала. На лице ее было написано вдохновение. Танечка все, даже самую нудную работу, делает со вкусом. Я вспоминала Жору, разговаривая не столько с Танечкой, сколько с собой.

Танечка, казалось, не слушала, поглощенная листьями, но замечания ее говорили об обратном.

– Бедный, – вздыхает она. – Не может найти ту, одну-единственную...

– Кто? Жора? Бедный? – возмущаюсь я. – Бабник твой Жора! Распущенный, избалованный, инфантильный тип!

– Он просто не встретил свою женщину, – возражает Танечка.

«А я?» – хочется спросить мне, но я не решаюсь. Танечка тут же начнет простодушно доказывать, что... что... я, разумеется, хороший человек, но, может, Жора ищет что-нибудь... необычное... полное романтики, не похожее на других... Певицу, или актрису, или наездницу на лошади в цирке, а не... старшего экономиста. Иногда я ловлю себя на мысли, что мне хочется убить Танечку!

– У тебя есть его фотография? – спрашивает она.

– Откуда? – отвечаю я с горечью. – Если бы наш роман продлился хотя бы месяц...

– Жаль, – говорит она и добавляет: – Посмотри, какой славный листик!

– Хороший, – отвечаю я. – Ты знаешь, я ищу новую работу... Не хочу оставаться в Союзе.

– Я тебя понимаю, – говорит Танечка. – Каждый день видеть, как он проходит мимо с другой, держа ее руку в своей руке, и увозит ее на машине... (Любительница сериалов, черт подери!) А какую работу? – спрашивает она.

– Любую. Переводчика, частного преподавателя. Не знаю. Я просто хочу уйти отсюда и не видеть его больше.

– Ищешь через газету?

– Нет, через Интернет! Мне помог сосед.

– Сосед? – Танечка перестает собирать листья и выпрямляется, изумленно глядя на меня. – Какой сосед?

– Обыкновенный. Из двадцатой квартиры! – Я начинаю заводиться – как будто у меня не может быть соседа! – Он бегал утром, захлопнул дверь и позвонил мне...

– Хотел влезть через балкон? – догадалась Танечка.

– Нет! Ему нужны были отмычки.

– И ты дала ему отмычки?!

– У меня нет отмычек! – кричу я. – Татьяна, какие отмычки! Я что, домушник, по-твоему?

– Но ты же сама сказала... – обижается Танечка.

– Я сказала, что ему нужны были отмычки, но это не значит, что они у меня есть!

– А как же он открыл дверь? – Танечка недоуменно смотрит на меня.

– Да плевать я хотела на его дверь! Почему это должно меня волновать? – завопила я. Логика, однако!

– Но не ломать же дверь, – говорит Танечка. В ее взгляде осуждение.

– Он взял у меня какие-то железки... – сдаюсь я. – Из ящика в кухне... и открыл дверь. Не знаю, какие железки, – предупреждаю я следующий вопрос Танечки. – Какие-то. Его зовут Владимир Маркелов, работает программистом. Все!

– Женат? – спрашивает Танечка.

– Не похоже. О жене он не упоминал.

– Красивый? – спрашивает Танечка.

Я задумываюсь. Красивый? Не знаю. Румяный – да. Голу-

- боглазый – да. Хорошо улыбается – да. Любит животных...
- Кстати, – говорю, – у меня появился кот. Котенок.
 - Купила? – снова останавливается Танечка.
 - Нет, сам приبلудился. Сидел под дверью.
 - Нужно немедленно показать его врачу.
 - Зачем?
 - Может, он больной.
 - Татьяна, ну, что ты несешь? Почему это он больной?
- Прекрасный аппетит, прекрасно выглядит, орет так, что в ушах звенит.
- Почему же он орет?
 - От полноты жизни. Требует внимания и ласки.
 - А как ты его назвала?
 - Анчутка.
- Танечка ахает.
- Плохое имя! Ты хоть знаешь, что такое «анчутка»?
 - Неряха и растрепа... ну, что-то вроде... Он совсем крошечный, с большой головой и громадными ушами... Настоящий анчутка.
 - Анчутка – это чертенок! Вроде домового. Назови его лучше как-нибудь по-другому. Барсиком или... еще как-нибудь. Ты представляешь, сколько раз в день ты будешь поминать черта?
 - Татьяна, успокойся! Какой Барсик, если он настоящий Анчутка? Может, он и правда домовый. Если бы ты видела, как он дрался с персом в десять раз больше себя!

– Откуда у тебя перс?

– Пришел с соседом из двадцатой квартиры.

– Твой сосед бегают с котом?

Я уставилась на Танечку – ей трудно меня удивить, мы знакомы сто лет, но сейчас ей вполне это удалось.

– Ага, наперегонки, – буркнула я. – Почему ты так решила?

– Ты же сама сказала, что он захлопнул дверь и пришел к тебе с персом. Значит, перс был с ним, а не в квартире.

Резонно, ничего не попишешь.

– Это был не его кот, – ответила я. Не разговор, а сплошной сюр.

– А чей?

– Он не знает. Чужой. Из нашего подъезда. Какая разница! – Я снова начинаю терять терпение. – Перс залетел в квартиру, как ненормальный, и набросился на Анчутку.

– Может, бешеный?

– Может. Анчутка дрался как лев. Кстати, – вспомнила я, – эта порода котов называется «черный волк».

– Никогда не слышала о такой породе. Перса ты тоже оставила себе?

– За каким чертом мне два кота? Этот перс здоровенный, как собака, его и не прокормишь. Мы его выбросили за дверь.

– А что было потом?

– Мы пили кофе... с пирожными.

– Он красивый? – спросила Танечка еще раз.

Я пожала плечами.

– Обыкновенный. Жора красивее.

– А потом?

– Потом мы вместе сочиняли объявление «ищу любую работу» и закидывали в Интернет.

– Он не пытался тебя поцеловать?

– Ты с ума сошла? – я воззрилась на Танечку, раскрыв рот. – Мы же незнакомы... практически. Мусор выбрасывали вместе два раза, да и то не факт.

– Если выбрасывали вместе, значит, знакомы, – возразила Танечка.

Резонно, опять ничего не попишешь. Хотя и не повод для поцелуев.

Так, непринужденно беседуя и шурша листьями, мы медленно брели по парку. Сначала по аллеям, затем просто по траве. Вдруг парк закончился, и мы оказались на улице Гоголя. Нос к носу с четырехэтажным особняком красного кирпича под номером тринадцать. Где помещался магазин магических принадлежностей и всяких хеллоуинских штучек под названием «Астарта».

– Здесь магазин, – я ткнула пальцем в дом. – Называется «Астарта». Всякие куклы и страшилки. Я прикупила ведьму.

– Ведьму? – удивилась Танечка. – Настоящую? Зачем тебе ведьма?

– Что значит «настоящую»? – не поняла я.

– Ну, настоящую... ведь можно обозвать ведьмой... ну, я не знаю... куклу какую-нибудь... какого-нибудь уродца. У нас в театре, например, мы называем ведьмой нашу Приму.

– А-а-а... в этом смысле. Настоящую. Самую настоящую. С метлой, и выражение лица у нее... – я запнулась в поисках слова. Лукавая ухмылка Шебы стояла у меня перед глазами. Ухмылка, ямочки на щеках, приподнятая ножка в полосатом красно-белом чулке... – Выражение лица у нее самое что ни на есть... ведьмовское. Зовут Шеба.

– Шеба? – повторила Танечка. – Никогда не слышала. А зачем ты ее купила?

Хороший вопрос. Я пожала плечами – если бы я знала!

– Не знаю. Просто купила. – Я даже не стала рассказывать Танечке, что мчалась как на пожар, чтобы успеть до закрытия купить мою ведьму. – Хочешь посмотреть игрушки? Можем зайти.

– А что у них еще есть?

– Скелеты в шляпах, ведьмы в колпаках, пластмассовые тыквы. Маски всякие жуткие. Много чего. Я не успела все рассмотреть. Магические предметы. Магазин уже закрывался.

– А откуда ты знаешь про этот магазин?

– Они прислали мне открытку, пригласили на распродажу.

– Они пригласили тебя на распродажу игрушек? – поразила Танечка. – Почему именно тебя?

– Понятия не имею. Ты разве никогда не получала по почте приглашения на распродажу?

– Что-то тут не то... – протянула с сомнением Танечка. – Получала на распродажу одежды, посуды, холодильников, но... почему магические предметы? Странно это как-то, и ведьма тоже... С чего это тебе вздумалось покупать ведьму? Ты же никогда не интересовалась магией.

– Я и сейчас не интересуюсь магией, – ответила я с досадой. – И не верю ни в чертей, ни в привидения. А Шеба понравилась мне как... кукла. Обыкновенная кукла. Хорошенькое личико и платье красивое – лиловый атлас, и берет с пером.

– Как пошито? – заинтересовалась Танечка.

– Пошли, посмотришь, – предложила я. – Купим копченой рыбки, сварим картошки. У меня вино есть. А хочешь, можно пива.

– Магия, странные письма, сосед, которого ты не помнишь, коты, которые врываются в квартиру... – Танечка принялась загибать пальцы, пропуская мимо ушей предложение насчет копченой рыбки и пива. – Ты же терпеть не можешь кошек! Что-то здесь не то, какой-то странный водоворот не поддающихся логике странных событий... – Она покачала головой. – И что бы все это значило? Чует мое сердце, неспроста! Ох, неспроста. Наталья, а ты ничего *такого* не чувствуешь?

– Ага, заговор потусторонних сил. Конечно, чувствую. Ку-

шать хочется. Татьяна, опомнись! Какие потусторонние силы? О чем ты? Я и потусторонние силы? Пошли, познакомлю с живой ведьмой из «Астарты». Ты ее сразу раскусишь.

...Магазин «Астарта» был закрыт. Надпись на белой табличке по-прежнему предлагала желающим звонить два раза, но живая ведьма нам так и не открыла. Мы нерешительно стояли на крыльце. Танечка предложила позвонить три или четыре раза – пусть выйдет Генрих О. или доктор Остроумов и объяснят, когда работает магазин. Мы так и сделали, но дом по-прежнему оставался безмолвен. Никто к нам так и не вышел.

Видимо, распродажа уже закончилась...

– Покажи ведьму, – попросила Танечка, когда мы пришли. – Где она?

– Под торшером, – ответила я. – Посмотри сама, я в кухню.

– Ничего особенного, – сказала Танечка, входя в кухню минут через пять. – Не понимаю, что ты в ней нашла?

Она придвинула к столу табурет и уселась, при этом больно стукнувшись коленом о ножку стола.

– Черт! – вскрикнула Танечка, рассматривая колено. – Ну, угораздило! Третий раз за неделю!

– Осторожнее, – заметила я. – У меня мебель и так на ладан дышит, а ты тут со своими коленями!

– Подумаешь, – пробормотала Танечка, – мебель ей жалко! А где животное?

– Какое живот... Анчутка? Где-то здесь, – ответила я и позвала: – Кис-кис-кис, Анчутка, иди сюда!

Но Анчутка не появился. Я заглянула под стол, за буфет, приоткрыла дверь в ванную – если он там, то пусть выходит. Напрасно. Котенок исчез.

– Не знаю, – сказала я неуверенно. – Завалился куда-нибудь и дрыхнет. Потом посмотришь. Давай чистить картошку!

– И все-таки что-то здесь не так, помяни мое слово, – заметила Танечка.

Глава 5

Рутина. Предсказание

Вообще-то я не верю в гороскопы и подсмеиваюсь над Татьяной, которая верит им безоговорочно. Не верю, но невольно прислушиваюсь. «Десятый солнечный день и двадцать третий лунный», – говорит проникновенным голосом астролог с экрана телевизора и смотрит на меня пронзительными черными глазами. Солнце по-прежнему в знаке Скорпиона, а Луна уже перешла в знак Льва. Что есть хорошо для Водолея, который добьется поставленной цели. Не дрейфь, Водолей!

Хорошо, если Водолею снятся гроза и ветер, а также скалы и камни. Счастливый цвет для Водолея – лиловый, драгоценные камни – аметист и изумруд. Можно бирюзу. Счастливый знак – двойной Венерин пояс. Что это такое и где находится? Понятия не имею. Хорошо еще, если родинка у левого глаза, говорит астролог. Увы, не мой случай.

Что мне снилось? Напрочь не помню. Какие-то люди. Летящий по небу человек в черном развевающемся плаще! Может, он не летел, а падал. Не помню. Может, и падал.

Бирюза у меня есть. Кулон в серебре, присланный мамой на день рождения в прошлом году. Я родилась в День святого Валентина – четырнадцатого февраля, но тогда об этом

никто еще не знал. Кулон приятного глазу бледного голубовато-зеленого цвета, а поверху – маленький серебряный дракончик в полете, с раскрытой пастью, торчащими ушами и закрученным спиралью хвостом. Я где-то читала, что бирюза и коралл делают женщину моложе. Не знаю, как это у них получается, но я действительно кажусь себе ярче, когда на моей шее висит бирюзовый кулон с драконом.

Терпеть не могу понедельник. Почему дожди, как правило, начинаются в понедельник? И холода? И перебои с транспортом? И, вообще... кончается лето!

Дождя, правда, не было. Но сумеречный туманец стойко держался в закоулках двора. Анчутка поел и завалился спать на диване. Спит на боку, вытянув вперед все четыре лапы. Пузцо – как теннисный мячик. Часто дышит, дергает во сне ушами и хвостом. Даже не вышел проводить меня в прихожую. Шеба стояла на своей полке поникшая, грустная и не смотрела на меня – наверное, тоже не любит понедельник.

Народ в общественном транспорте злой и невыспавшийся. Банковский союз располагается почти в центре, народу едет много. На нужной остановке тебя, сплюсненную, выносит из троллейбуса, как океанской волной. Спасибо, что не раньше. Я была в квартале от Союза, когда к арке входа подъехал хищный приземистый серебристый «Ягуар», затормозил, и из него не сразу выбрался... Наш Жора. Не сразу по причине долгого и нежного прощания с шикарной женщи-

ной за рулем – платиновой блондинкой, насколько я смогла рассмотреть. Я инстинктивно прижалась к стене дома, чтобы остаться незамеченной. Кишка тонка, вскинув голову, с гордым видом пройти мимо и небрежно кивнуть. Они целовались в машине, а я стояла за водосточной трубой, переживая, чтобы не столкнуться с Жорой, а войти незаметно после него. Но он все целовался с блондинкой.

Я вспомнила картинку от Татьяны: Жора за руку с новой подругой, и не могла не признать, что в ее дурацких видениях или предвидениях иногда присутствует логика, а также правда жизни, увы!

Жора наконец выполз из машины. Блондинка швырнула ему вслед белый плащ, о котором он, видимо, забыл. Он ловко подхватил плащ, поднял руку, прощаясь, и расслабленной походкой, улыбаясь, пошел ко входу в Союз. «Ягуар», взревев, промчался мимо, и я почувствовала его теплое дыхание на своем лице.

Мелькнула мысль немедленно позвонить Татьяне и пожаловаться. И спросить, что делать. Может, сразу подать заявление об уходе, не дожидаясь новой работы? И никогда больше не появляться в этой части города? И не видеть сплетницу Зинку, скучающих коллег, обсуждающих дурацкие сны, ток-шоу, перипетии телевизионных героев и рецепты торта «Фредди Крюгер». И не видеть Жору, будь он трижды неладен!

Татьяне звонить я не стала. Стыдно было. С каменной фи-

зиономией я прошествовала по коридору и вошла в родной кабинет, где за невысокими перегородками, как в клетках, сидели коллеги, соскучившиеся друг без друга за долгий уик энд. Они спешили поделиться, рассказать, сообщить и обсудить. Сны, потекший кран, холодные батареи, ограбленную дачу, новые сапоги, скандал с мужем начальницы – так ей и надо, хотя, девушки, все равно, жалко, и все они – кобели проклятые, и прямо в кабинете, а она застучала – вот дурак-то, нашел место!

Вот Наш Жора... – короткий взгляд в мою сторону – не позволяет себе... ничего такого. Ой, девочки, а в какой тачке он сегодня... они там целый час целовались! Все не могли расстаться. Конечно, деньги к деньгам. Шикарная женщина! Точно, девочки, помяните мое слово, женится! Сколько можно... прыгать! Женится! И машина шикарная! «Ягуар». Таких в городе всего две или три. Это Ленка, дочка Погорелова, у которого бензоколонки. Моя подруга с ней в школе училась. Дура набитая, но в бриллиантах, из косметических салонов не вылезает. Фигура, правда, ничего... а ноги тонкие. Ой, да знаю я ее! Ленку все знают. У нее свой магазин на Пушкина... Картины, бижутерия, роспись по шелку. Цены – с ума сойти! Она была замужем за американцем, жила в Штатах, недавно вернулась. Говорят, развелась. Жора не дурак – Погорелов скупил полгорода под застройки.

И так далее, и тому подобное. С красочными деталями.

Я молча сидела в своем углу, делала вид, что страшно

занята – с умным видом перебирала бумажки, слушала историю любви Нашего Жоры и богатой наследницы. Больше всего мне хотелось бросить все к чертовой матери и рвануть к Танечке Сидоровой. Не позвонить, а побежать. Какой там стыд, когда так больно! Припасть к ее груди и... и... завывть с горя. И еще от любви – не могла я забыть Жору! «Танька, – сказала бы я, – как же мне паршиво! Ты одна меня понимаешь!» И Танечка ляпнула бы в ответ очередную глупость, вроде того, что нужно бороться за свою любовь и не сдаваться, и попробовать отвоевать его обратно... *как-нибудь*. Например, пойти в цирковые наездницы. Или выиграть в лотерею пару миллионов. Судьба помогает смелым, сказала бы Татьяна. Тебе следует позвонить ему и спросить... Или нет, случайно попасться навстречу и сказать непринужденно... ну, что-нибудь вроде: «Привет, Жора, как жизнь?» И засмеяться весело, чтобы он понял, что ты ни капельки не переживаешь, что для тебя это было всего лишь короткое приключение, что он тебе по фигу, одним словом. Ты знаешь, скажет Татьяна, их больше всего задевает равнодушие, тем более таких, как Жора, который весь из себя павлин и нарцисс. То ты горела, а то вдруг остыла – проходишь мимо с равнодушным и веселым «привет»! Он задумается, глядя тебе вслед, вот увидишь, и позвонит или будет ожидать после работы. А ты скажешь, извини, Жора, я спешу... у меня другие планы на вечер. И если бы этот твой сосед, программист, подъехал на машине... У него есть машина? Ну, как в том

старом фильме – ты садишься в шикарную машину, а тут Жора с разинутым ртом! Представляешь?

Представляю. То есть не представляю – Жора не разевает рта. Танечка есть Танечка. Она не живет, а витает где-то там наверху. Недаром театральный художник Гриша изобразил ее в виде ангела в перине. О реальной жизни она имеет такое же представление, как я о бухгалтерском учете, хотя и числюсь старшим экономистом. Но нельзя не заметить, что иногда Татьяна попадает в десятку... что для меня абсолютно непостижимо. Из нас двоих я практичнее и реалистичнее, как мне кажется... да ладно, тут все свои. Ее попадания в десятку для меня просто загадка. И сразу мысль закрадывается, что жизнь, видимо, банальнее, чем нам представляется, а значит, нужно жить под девизом «будь проще». Как вам, например, ее вчерашняя фраза о Жоре с женщиной в руке? Вернее, с ее рукой в руке. Уму непостижимо! Куда там астрологу из телевизора с его прогнозами!

Хотя, с другой стороны, а что тут, собственно, такого удивительного? Жора за руку с другой... Да у него каждый день другие!

Я вздыхаю. После воображаемого разговора с Татьяной мне становится немного легче. Тем более что коллектив, обсудив и намерстав упущенное за два дня разлуки, погружается в работу. Мягко мерцают экраны компьютеров, цикадами стрекочут клавиши, шелестит бумага в негромко урчащем большом принтере в углу комнаты.

Я оформила четыре письма с деловыми предложениями, от которых, даже если их одобряют наверху, все равно ничего не изменится. Вместо обеда в нашем союзном кафе вышла на улицу и пошла куда глаза глядят.

Сероватый нерешительный день стоял вокруг. Пахло дождем. Звуки шагов и машин превратились в мягкий вкрадчивый шелест. Я добрела до парка. Везде пусто – никто не ходит в парк по понедельникам. Села на влажную скамейку. Деревья почти облетели, и сейчас последние багрово-красные листья, планируя, враскачку опускались с кленов на землю при полнейшем безветрии. Они были похожи на больших задумчивых бабочек.

Уехать бы... На Дальний Восток, к родителям. Выйти замуж за капитана корабля и ждать его из плавания. Воспитывать детей. Пойти работать в школу учителем иностранного... Вот уж нет! В школу я не вернусь. Переводчицей если бы... И плавать с мужем. Увы. Не выйдет – в море меня укачивает. Остается сидеть дома, смотреть телевизор, сплетничать, обмениваться кулинарными рецептами с соседками. Солить грибы, мариновать помидоры, закатывать компоты... Ужас!

А чего же ты хочешь? Чего хочет молодой, неизбалованный, одинокий старший экономист? Чего не хватает ему в жизни для полного счастья? То есть ей. Ну... так сразу и не ответишь. Хотя... с другой стороны, чего ж тут долго раздумывать? Праздника! И любви. А также фейерверка, золотого

конфетти и музыки. А еще процокать каблуками мимо Жоры, небрежно волоча за собой бесценные меха... Обдать его облаком парфюма от Жана Пату и... и... попросить огонька. Прищуриться, втянуть дым от длинной сигареты в золотом мундштуке и выпустить сизое облако ему в лицо. Не дожидаясь, пока он прокашляется, уйти вдаль, красиво покачивая бедрами, и раствориться в сиреновом тумане.

– Что задумалась, красавица? – услышала я сипловатый голос с растянутыми гласными. – Что печалишься?

Я вздрогнула и повернула голову. Рядом со мной на скамейке сидела молодая красотка-цыганка в многоярусных пестрых юбках и монистах, смотрела прозрачными глазами цвета стоячей болотной воды с прозеленью, ухмылялась односторонне и загадочно. Я так задумалась, что пропустила момент ее появления на сцене.

– У меня нет денег, – предупредила я, чтобы она не теряла времени даром. – И вообще, мне пора. – Я пасую перед нахальством и приставучестью этого племени.

– Разве я прошу денег? – Она как будто бы даже обиделась. – Разве я не вижу, что ты безденежная?

Замечание цыганки показалось мне обидным, и я чуть было не стала доказывать, что денежная. Исключительно для понта, так как денег у меня все-таки не было.

– Дай руку, – сказала вдруг она, протягивая свою смуглую и не особенно чистую ладонь.

– Не нужно, – я поднялась со скамейки, но она схватила

меня за руку и заставила снова сесть. Я оглянулась – парк был пуст, помощи ждать было неоткуда.

– Не бойся! – Цыганка придвинулась поближе. – Не съем. Слушай, что будет! – Улыбка ее напоминала оскал хищного зверя – сияли снежной белизны зубы, явственно обозначились два острых верхних клыка. Пятна румянца горели на высоких коричневых скулах. – Не упusti фортуну!

– Какую фортуну? – пролепетала я, чувствуя, что вязну, как муха, в ее бессовестных зенках.

– Большую! Сними паутину!

– Какую паутину? – Страх, щекоча лапками, многоножкой пополз вниз по спине.

– Которая застит глаза, – объяснила цыганка. – Открой! И не бойся! Фартовая ты... даже завидно. Но не упusti! Поняла?

– Какой фарт? Что поняла? – бормотала я. Цыганка ввергала меня в состояние липкого обморочного страха.

– Жди! – Она сжала мою руку. – Но смотри... Спроси сердце, чего хочет. Не продешеви! – С этими словами она поднялась, юбки крутнулись веером, звякнули мониста. – Э-э-э-х! – воскликнула она, потягиваясь. – Хорошо-то как! Зима скоро, снегом заметет. Двинемся на юга. Помни, красавица, кто спознается с чертями, узнает и ангелов!

И завихрилась по аллее своими юбками, только ее и видели. Исчезла, как растворилась, среди ярких кленов. Я почти лежала на скамейке, постепенно приходя в себя. Серд-

це колотилось, во рту пересохло, ладонь все еще чувствовала сильное прощальное пожатие ее жесткой руки. Цыганка появилась ниоткуда, как чужеродное тело, вроде метеорита или болида, сверкнула, ослепила, обдала мороком и исчезла.

Что же она все-таки сказала? Я попыталась вспомнить – что-то про чертей и ангелов. Бессмыслица какая-то. Жди, сказала она. Не упusti свой фарт. Спроси свое сердце. О чем? И еще – не продешеви! Последнее показалось мне самым бессмысленным из всего ее предсказания. Не продешеви!

Минут через десять я настолько оклемалась, что могла уже встать со скамейки. Колени, правда, еще мелко дрожали, и спина была влажной, но это были уже мелочи. Я вышла из парка и пошла вниз по улице. Остановилась у арки-входа в родное учреждение, прислонилась плечом к стене дома. Я не могла заставить себя сделать шаг под арку. От мысли, что через минуту я увижу коллег, у меня свело челюсти. Я не могла вернуться туда! Не могла! Хватит с меня их сплетен, дурацких разговоров, бессмысленной отупляющей работы и писем, которые никто не читает. Хватит хмурой физиономии моей начальницы и одуряющего запаха ее французского парфюма...

Я изо всей силыхватила кулаком по каменной стене, вскрикнула от боли и заплакала. Слезы градом катились по щекам, оставляя холодные дорожки. Я плакала самозабвенно, с удовольствием. Как это я раньше не догадалась попла-

кать всласть? Домой! И позвонить Зинке, что внезапно заболела. Или не звонить – пусть теряются в догадках, что у меня произошло. И никогда больше не возвращаться. Никогда!

Домой я отправилась пешком, не торопясь, глаза на витрины по пути. Часа через полтора я, наконец, добралась. Настроение было хуже некуда, и я уже жалела, что не вернулась в Союз. Уходить нужно, имея запасной аэродром. Работа в наше время на улице не валяется. Старших экономистов с шестимесячным образованием в природе хоть пруд пруди.

И что же дальше, маленький старший экономист?

Около подъезда стояла кучка старух с базарными сумками. Шли из магазина, столкнулись во дворе и остановились на минутку почесать языки. Часа полтора назад. Старухи возбужденно обменивались информацией.

– Наташ! – окликнула меня баба Капа с нижнего этажа. – Ты ничего ночью не слышала?

Я подошла ближе:

– Ничего, баба Капа, а что?

– Коты выли, как на покойника. Орала, аж мороз по коже!

Я пожала плечами – не слышала. Разве коты воют на покойника?

– И я слышала, – вмешалась басом старуха с усами. – Мой Леонард как с ума сошел, сидел под дверью и тоже орал.

– Что делается, – вздохнула третья. – Може, крысиную отраву раскидали?

– Чего ж он орал-то, – удивилась баба Капа, – он же кастрированный?

– Не знаю, – ответила хозяйка Леонарда. – А только орал и отказывался есть.

– На пользу, – заметила баба Капа. – Уж очень ты его раскормила. Ты, поди, сама того не ешь, что ему покупаешь!

Я, не прощаясь, попятилась и нырнула в подъезд. Коты какие-то... Мне бы ваши проблемы!

Сразу же позвонила Зинке, сказала, что мне стало плохо прямо на улице... и я не смогла вернуться. По наступившей паузе я поняла, что в Зинкиной голове прокручиваются возможные причины моего внезапного недомогания. По тому, как она торопливо произнесла, конечно, конечно, Наташенька, я передам, и повесила трубку, я поняла – она точно знает, почему мне стало дурно. Почему молодой здоровой женщине ни с того ни с сего становится дурно прямо на улице? По одной-единственной причине – женщина эта, скорее всего, в интересном положении! Я представила себе, как Зинка возбужденным конспиративным шепотом излагает свою новость всему отделу, и застонала.

Потом я позвонила Танечке Сидоровой, чтобы обсудить мой безумный поступок и цыганку, но она пробормотала, что страшно занята – Прима в истерике, потому что одна молодая актриса нарочно опрокинула на нее стакан с молоком, когда та была в сценическом костюме. Все ходят на цыпочках, и нужно немедленно спасать платье. Привет, крикнула

Танечка, позвоню вечером – и отключилась.

Одна Шеба меня поняла – молча выслушала. Смотрела, чуть улыбаясь уголками рта и ямочками на щеках. Ах, говорили улыбка и ямочки, это все такая ерунда, поверь! Работа... ну, вернешься завтра, подумаешь! Никуда она не денется, твоя работа. А цыганка... да, то еще племя! Но мало ли необычных людей вокруг? На улице ты бы ее и не заметила, а в пустом парке... Человек – стадное животное, пустота ему противопоказана, его так легко напугать. Поэтому вы и сбиваетесь в стаи. А чуть шаг в сторону – ах, страшно, ах, необъяснимо, какой ужас! Не так страшен черт... помнишь? Иди, сделай себе кофе и накорми животное. И не реви, глаза будут красные. Думаешь, у меня легкая жизнь?

Я так и сделала. Анчутка с удовольствием съел манную кашу. Вылизав блюдо, уселся рядом и стал смотреть, как я пью кофе. Розовые уши стояли торчком, глазищи светились, как зеленые светляки где-нибудь... на торфяном болоте. Он был похож на маленькую химеру со старинного здания, каких полно в Вене. Горгулью. Смотрел, не мигая...

Глава 6

Пляшите, вам письмо!

Местный канал передавал новости культуры. Рок-группа «Голоса травы» отбыла на гастроли в Македонию. Руководитель «Голосов» в интервью на фоне режущего самолета делился творческими планами. Оригинальный профессиональный прием журналиста с режущим самолетом не удался – вместо смысла один рев. Рок-музыкант шевелил губами, закатывал глаза в поисках удачного словца, размахивал здоровенными кулачищами, а в итоге получался пшик.

Приехал всемирно известный маг и волшебник, обладатель дипломов международных академий оккультных наук, господин Ханс-Ульрих Хабермайер. Большая честь для города. Даст три концерта. Девушка – ведущая программы так и сказала – «концерта», а не сеанса. Господин Ханс-Ульрих Хабермайер, сравнительно молодой, весь в черном, согласно цеховой традиции, но, как ни странно, светловолосый – ни радикально-черных локонов по плечам, ни испепеляющих черных глаз, – улыбаясь, смотрел с экрана и кивал согласно. Сообщил по-немецки, что счастлив побывать в нашем городе, так как давно об этом мечтал. Девушка, запинаясь, перевела. Я рассеянно смотрела на экран. Ханс-Ульрих Хабермайер... не слышала... Дэвид Копперфильд – слышала...

Развелось их ужас сколько!

Потом показывали какой-то сериал в духе соцреализма, но с современными реалиями. Некая молодая женщина, узнав, что жених-бизнесмен ей изменил, бежит на край света с одним чемоданом. Поступок, однако. Возвращается в жалкую полуразвалившуюся хибару, которую оставила много лет назад. Начинает жизнь с нуля. Ходит босиком, умывается из жестяного умывальника во дворе. Удобства в конце огорода в кино не показали, а напрасно. Гордая и независимая. Вот дура! Кому теперь хуже?

Я задремала под сериал. Анчутка пригрелся на подушке около моей щеки и мурлыкал так, что прямо ходуном ходил, даже шерстка шевелилась.

Когда я пришла в себя, в комнате было уже темно. По телевизору шел кулинарный час. Энергичная молодая женщина споро нарезала овощи и зелень, приговаривая воркующим голосом, как это легко, быстро и вкусно. Я тупо смотрела на ловкие движения ее рук. Анчутка мурлыкал прямо мне в ухо. Вставать не хотелось. Голова была тяжелой. Недаром говорят, что нельзя спать на закате. Ничего не хотелось. Ну и не встану, подумала я. Мне теперь все равно.

От оглушительного телефонного звонка меня словно подбросило. Я резво поднялась и побежала в прихожую. Анчутка упал на пол и взвыл обиженно. Звонила, разумеется, Татьяна.

– Ну, что там у тебя? – спросила она благодушно, и я по-

няла, что Танечка переоделась в халат, поужинала, положила на лицо маску, улеглась перед телевизором, убрала звук и теперь готова общаться. — Кстати, твой мобильник не отвечает.

— Упал в воду, нечаянно, — ответила я. — Отстирала платье?

— Отстирала. Там и стирать нечего было. А крику, а визгу! Истерика, валерьянка, все шепотом и на цыпочках... Конец света. Как это — упал?

— Молча. Взял и упал. Лежал на краю ванны, а Анчутка скинул.

— Понятно. А ты как... вообще?

— Нормально. Я бросила работу...

— Как бросила? — ахнула Танечка. — Он что, выгнал тебя?

— Никто меня не выгонял. Я сама ушла.

— Не понимаю, — говорит Танечка беспомощно. — Как же ты теперь?

— Не знаю. Умру с голоду, наверное.

— Как ты можешь смеяться? Ты с таким трудом нашла это место. Что случилось?

— Ничего. Цыганка нагадала мне фарт, только надо снять паутину.

— Паутину? Знаю! — Танечка даже не задумалась. — Я тебе говорила — в углу прихожей, здоровенная такая, помнишь?

— Не помню. Цыганка имела в виду другую паутину.

— Какую это? — удивилась Танечка.

– Которая застит глаза! И еще сказала, что я фартовая, аж завидно.

– Нич-чего не понимаю! – заволновалась Танечка. – Ты ж не веришь! Давай по порядку. Откуда цыганка?

– Ниоткуда. Минуту назад не было – и вдруг, как из-под земли, – крученная, быстрая, юбки ходуном. Села рядом, схватила за руку...

Танечка глухо ахнула:

– Сколько ты ей дала?

– Откуда у меня деньги? Я ей сразу сказала, что денег нет.

– А она?

– А она говорит, я и сама вижу.

– Так и сказала?

– Так и сказала. Уцепилась за руку, хватка железная, пальцы жесткие. Уставилась в глаза и выдала про паутину. А у меня прямо мороз по коже, представляешь?

– Ужас! Я их боюсь до обморока. Помнишь, я тебе рассказывала про соседку, которую цыганка заставила вынести из квартиры золото и деньги? Загипнотизировала и приказала, чтобы вынесла. А та и вынесла, помрачение нашло, говорит. Все до копейки. Ты ей адрес, надеюсь, свой не дала?

– Она не спрашивала, – сдержанно ответила я.

– То-то! Никогда не давай цыганке свой адрес! И вообще, как только увидишь цыганку, сразу бросайся на другую сторону улицы от греха подальше.

– Это было в парке, я ее даже не заметила.

– Так что она тебе сказала? Про паутину, а еще?

– Про фарт. И еще сказала – не продешеви!

– А что это значит? – озадачилась Танечка.

– Откуда я знаю?

– А в каком контексте она это сказала?

– Ну... – Я задумалась. – Она сказала – спроси свое сердце и... не продешеви! А, вспомнила! Еще сказала – жди знака!

– Какого знака?

– Не знаю!

– Нужно было спросить! – Танечка повысила голос. – Раз в жизни цыганка сказала что-то путное, да еще и без денег, а ты не спросила!

– Ты же им не веришь! – закричала я в ответ.

– Не верю! Но иногда они говорят правду! Цыгане – древняя раса, у них знания. Особенно если задаром.

– Какие знания? Откуда у древней расы знание про мой фарт? Татьяна, думай, что несешь!

– А что было потом?

– Ничего. Я позвонила Зинке и сказала, что заболела.

– Из-за цыганки?

– Нет. Не только.

– А что еще?

– Жору привезла на работу шикарная блондинка... утром, – сказала я мертвым голосом. – В серебряном «Ягуаре».

– Ты сама видела? – ахнула Танечка.

– Сама. Пряталась, как идиотка, за водосточной трубой.

– Вот гад! – воскликнула Танечка. – А может, родственница?

– Как же! Они там целый час целовались, никак не могли расстаться. А я за трубой. Видимость – как в первом ряду.

– Вот гад! – повторила Танечка. – А я бы назло прошла мимо и...

– И что?

– Ну не знаю... Поздоровалась бы! Громко! Пусть знает.

Я невольно рассмеялась, представив, как Татьяна проходит мимо «Ягуара» с высоко поднятой головой и громко здоровается в закрытое окно. А те, внутри – ноль внимания, знай целуются.

– Напрасно смеешься. Уж я бы не стала сидеть за водосточной трубой, уверяю тебя! Я бы нашла что делать! Или камнем!

– Я была не права, – вздохнула я. Имея дело с Татьяной, нужно всегда помнить, что она – честный, добрый, порядочный человек и любит меня. Потому что, если этого не помнить, то от ее словес запросто сносит крышу.

– И что теперь? – спросила Танечка.

– Не знаю. Поеду к родителям и выйду замуж за капитана дальнего плавания. Дашь мне свои рецепты квашеной капусты и медовика?

– Не дам! Только продукты переводить. Могу подкинуть ученика – у нашей комической старухи Игнатьевой племян-

ник поступает в аспирантуру. Хочешь?

– Тоже комик?

– Тебе не все равно? Завтра же поговорю, – решила Танечка. – Жаль, что он женат.

– Почему жаль? – Я делаю вид, что не понимаю ход ее мысли.

– Потому, – отвечает Танечка. – А из Интернета еще не ответили? Спроси у соседа... этого... как его?

– Владимир Маркелов. Совсем забыла! Надо бы проверить... хотя вряд ли ответили. Если бы ответили, он уже давно прибежал бы.

– Переживаешь?

– О работе? Даже не знаю. Работа, в общем, паршивая. И начальница... Татьяна, почему, как баба начальник, так сразу – стерва?

– Конкуренция большая. Наша культура не признает женщину-начальника на генетическом уровне, – серьезно сказала Танечка. – И ей, чтобы пробиться, нужно обойти знаешь сколько соперников-мужиков? Чем она сильнее и стервознее, тем больше шансов.

– Понятно, – сказала я. Наступила пауза. – Откуда ты все знаешь?

– Мы пьесу ставили про одну директрису, которая преследовала своего подчиненного на сексуальной почве. Там еще много всяких рассуждений было.

– Ну, и чем дело кончилось?

– Он ее убил!

– Может, мне тоже убить Жору?

– Ты с ума сошла! – сразу же поверила мне Танечка. – Ломать себе жизнь! Прекрати!

– Работы нет, любовник бросил, на моих глазах с другой... что же мне остается делать?

– Если бог в одном месте закрывает окно, то в другом открывает дверь, – сентенциозно произнесла Танечка.

– Из какой пьесы?

– «Звуки музыки».

– Мой любимый мюзикл. Где бы найти капитана с детьми? Сколько их штук было? Семеро, кажется?

– Семеро. У нас в театре была похожая история. Наша бухгалтерша, давно уже, вышла замуж за вдовца, только не капитана, а майора. Майора милиции с детьми. Тоже семеро, и все девочки. Представляешь? Отчаянная женщина!

– И что?

– Ничего! Всех воспитала и поставила на ноги. Теперь, как праздник, за столом, говорит, сорок пять человек собираются – зятья, внуки, правнуки. А ты Жорку убивать собралась!

Я невольно хмыкнула – только Татьяне была видна связь между убийством Жоры и бухгалтершей из театра. Доискиваться смысла бесполезно.

– Кто это сопит в трубку? – спрашивает вдруг Танечка. – Нас подслушивают.

– Это Анчутка, – отвечаю.

– У него что, насморк?

– Он так мурлычет, – обижаюсь я.

– А может, он ждет, пока ты вернешься с работы!

– Кто? – не поняла я.

– Сосед, как его... этот Володя Маркелов. Я бы на твоём месте сама зашла к нему... прямо сейчас. Давай! А потом позвонишь, как и что.

– Ни за что не пойду, – уперлась я. – Он ещё подумает, что я за ним бегую.

– Глупости! Он первый начал. Думаешь, он случайно зашел к тебе за отмычками? Может, и про дверь придумал. Знаешь, у меня чувство, что неспроста все это... Ох, неспроста!

– Что именно?

– Я уже говорила! Все это... приглашение на распродажу, ведьма с метлой, сосед с дверью, теперь ещё и цыганка в парке и Жора в «Ягуаре»! Ох, смотри, Наталья!

– А Жора каким боком?

– Одно из слагаемых, – туманно ответила Танечка. – А вместе – результат!

– Добавь ещё: господин Хабермайер!

– Какой Хабермайер? – вскрикнула Танечка.

– Маг и волшебник. Даст три концерта в нашем городе...

Не успела я закончить фразу, как в трубке раздался вопль, и вслед – тишина. Волосы на моей макушке зашевелились, словно от легкого ветерка, и дыхание прервалось.

– Татьяна! – заорала я. – Что случилось?

Тишина в ответ. Ни звука на той стороне. Только шорох эфира...

– Танечка! Ты жива? – испугалась я.

– Посмотри на экран, – прошептали из трубки. – У тебя местная программа?

Я перевела взгляд на экран. Оттуда, обаятельно улыбаясь, смотрел прямо мне в глаза маг и волшебник Ханс-Ульрих Хабермайер. Изящным движением головы он отбросил со лба платиновые волосы, улыбнулся еще шире. Я судорожно вобрала в себя воздух.

– Татьяна, ты... ты... Я чуть с ума не сошла! Думала, у тебя грабители. Или инфаркт. Его уже показывали раньше. Орать-то зачем?

– Это знак, – прошептала Танечка.

– Какой знак?

– Знак, о котором говорила цыганка! Как ты не понимаешь! Цыганка говорила про знак, так ведь? Ну и вот, а потом ты говоришь – еще и Хабермайер, я смотрю на экран – а он там! Хабермаейр! Понимаешь?

– А дальше что?

– Не знаю, – угасает Танечка. – Что-нибудь это да значит...

И тут вдруг раздается звонок в дверь. Отвратительный дребезжащий звук! Я вскрикиваю, хватаясь за сердце.

– Что? – кричит Танечка. – Что случилось?

– Успокойся, – говорю я. – Звонят в дверь. Подожди, я открою. Не клади трубку!

– Спроси сначала, кто! – кричит Танечкин голос из трубки мне вслед. – Не открывай сразу!

За дверью – сосед Володя Маркелов. Легок на помине. Я вижу его выпукло-вогнутое лицо в глазок. Распахиваю дверь.

– Не помешал? – спрашивает Володя, входя и протягивая мне малиновую орхидею в длинной прозрачной пластиковой коробке.

– Нет, – отвечаю, беру коробку и подношу к носу. Коробка ничем не пахнет. – Ну, что вы, не нужно... – смущаюсь я. – Спасибо! Проходите, пожалуйста.

Он идет почему-то в кухню. Из комнаты уже спешит Анчутка, ковыляя на кривых ножках. Задирает голову и издает вопль.

– Черный волк! – приветствует его Володя и берет на руки. – Подрос как!

Мы усаживаемся на табуретки.

– Кофе? – спрашиваю я.

– С удовольствием, – отвечает Володя.

– Еще есть печенье, хотите? – Татьяна упала бы в обморок от такого гостеприимства.

– Отлично, – отвечает Володя слегка невпопад и смотрит на меня загадочно.

– Что? – спрашиваю я.

Он лезет в карман джинсов и достает оттуда сложенный вчетверо листок. Поднимает над головой, как укротитель зверей – кусочек сахара. Мы с Анчуткой смотрим на листок. Неужели?

– Вам письмо, – говорит Володя. – Пляшите!

– Ох! – вырывается у меня. Я несусь в гостиную и хватаю трубку. – Татьяна!

– Слава богу! – кричит она. – Я уже думала, взломщики! Кто это?

– Сосед Володя, – отвечаю я. – Мне ответили!

– Кто?

– Не знаю еще. Сейчас прочитаю.

– И сразу позвони, – требует Танечка. – Расскажешь. Все-таки права была цыганка! Я же говорила!

Глава 7

Дела давно минувших дней

– Батюшка Лев Иваныч, беда! Бежите скорей, Марина Эрастовна снова побегли на пруд топиться!

Здоровенная дворовая девка Степка, шлепая босыми ногами, растрепанная и расхристанная, не постучавшись, распахнула двери барского кабинета, влетела внутрь и встала как вкопанная посередине, хватаясь рукой за сердце. Лицо ее горело восторгом и ужасом, мощная грудь ходила ходуном.

– Ох ты, господи, беда-то какая! На пруд!

– Выдь из кабинета! – недовольно приказал барин Лев Иванович, отрываясь от книги в кожаном переплете, которую читал при свече, так как ставни на окнах были закрыты. Через щели косо пробивался яркий дневной свет, пронизывая полумрак кабинета, и видно было, как в комнате столбами ходит пыль.

– Дак потонет же, не приведи Господь! – возопила Степка. – Надо бечь! Счас!

– Пошли Митяя и конюха, – распорядился Лев Иванович.

– Ужо поехали! Вся дворня, почитай, уже там. Марина Эрастовна приказали, чтоб все! И вас чтоб тоже! Без вас, сказала, не выйдет из воды!

– Ладно, ступай, – недовольно произнес Лев Иванович. –

Не жизнь, а театр. Что ни день, то новая пьеса. О, женщины! – Видя, что Степка и не думает трогаться с места, стоит, разинув рот, уставившись на него, ожидая действий, шумнул: – Пошла! Беги на пруд, скажи, сейчас буду!

– Спасибо, батюшка! – обрадовалась девка. Развернулась, сметая подолом зеленую вазу с букетом темно-красных, с черной сердцевинкой, маков с круглого низкого столика. Ваза грохнулась на пол и разлетелась вдребезги, на полу растеклась лужа. Маки печально лежали в ней.

– Ох! – Степка в ужасе закрыла рот рукой.

– Ну, корова! – в сердцах произнес Лев Иванович. – Фамильная ваза, венецианского стекла, бесценная... Пороть вас некому! Распустились! Пошла отсюда. И пришли Варвару, пусть приберет! Сама не лезь, а то все тут разнесешь.

Деваху как ветром сдуло.

– Ну, что? – спросила спешащая навстречу ключница Авдотья, задыхаясь от быстрой ходьбы. Она выслала Степку вперед, а сама, как могла, поковыляла следом. Крики в кабинете были слышны даже во дворе, но Авдотья была глуховата и не все разобрала.

– Сказал, будет! – прошипела в ужасе Степка, сияя глазами. – Счас будет!

– То-то, – с облегчением вздохнула Авдотья. – Страсти какие, не приведи Господь! Опять, поди, читал?

– Опять! Опять ее, проклятушую!

Степка нетерпеливо помела подолом и испарилась – по-

мчалась на пруд смотреть, как будет топиться молодая барыня.

— Ох ты, горе-то какое, — плакалась старая Авдотья, переваливаясь на старых больных ногах. — Был бы батюшка жив — мигом бы выбил дурь из головы! И детишек нарожал бы за милую душу, а то где ж это видано, два года, как женился, а детишек нету. А все книжка проклятая, прости господи, от лукавого. Все хоронится да при свечах читает. Где это видано, чтоб при свечах? Вон, день-деньской на дворе, солнышко, ведро. Свечей не напасешься. Я уж предлагала под яблоней перину постлать, уж такая благодать, пчелки гудут, кажен листик радуется... Нет, отстань, говорит, не мешай! И нос в книжку. И курган за садом раскапывает, прости, Господи! Черепков натаскал, костей, всякой нечисти... видимо-невидимо. А Марина Эрастовна, бедняжка, только с мамзелью компанию водит. И спит в кабинете с книжкой, и куска без книжки не проглотит... И с лица спал, и умом тронулся... не иначе. Рано Господь прибрал старого барина, ох, рано, уж он-то мозги бы вправил... ниверситеты, столицы, вот и набрался вольнодумства, прости, Господи! Одна морoka от грамоты... В старину жили — грамоте не знали, зато детей рожали по пятнадцати душ, да гости не переводились, да урожаи... — Авдотья остановилась передохнуть, поправила платок на голове. — А зимы-то каки были! До крыши снегом занесет, бывало, мороз трещит, дым по земле стелется, метель свищет! А теперь... и пруд усох, и лета дождливые

стали, и зимы никудышняя. Как жить, ума не приложу. Раз-
ве там можно утопиться? Курице по колено, а все от скуки
мается бедная Марина Эрастовна, оно и понятно, ей бы ди-
тенка, а то чисто пустоцвет, прости, Господи. Старый барин,
бывало, и жену любил, и девок не пропускал, всех голубил,
и щедрый был, охоту уважал да рыбалку, да ушицу под во-
дочку! А какие налимы были в речке, а караси в пруду... Э-
эх! А молодой-то... не в батюшку, нет!

Авдотья, которой на Пасху стукнуло семьдесят, заправ-
ляла домом и, на правах доверенного лица покойного бари-
на, наставляла молодого и берегла, как могла, дом и уклад.
А только что ж тут поделаешь? Молодой барин – порченный,
набрался по заграницам грамоты, а зачем нашему человеку
заграница и грамота? Баловство одно. Если ты есть барин,
то и сиди дома, обустройся, детей рожай, крепостными
руководи. И не суйся за границу, заграница до добра не до-
водит!

Охая и ахая, держась за бока, бормоча себе под нос и жа-
луясь, вспоминая старые добрые времена и ругая новые, а
пуще всего – молодого барина, Авдотья ковыляла по дому.
Заметила пыль на буфете, кликнула было Варвару, да никто
не отозвался. Все повалили на пруд смотреть, как будет то-
питься молодая барыня Марина Эрастовна...

Мы с Анчуткой смотрели на белый листок в руке Володи, и выражение лиц у нас было одинаковым.

– Кто? – спросила я, наконец.

– Похоже, иностранец. Сейчас, – он поднес к глазам листок. – Какой-то Грэдди Флеминг! Читайте! Но танцы за вами, имейте в виду.

Я нарочито медленно взяла у него листок. Кажется, у меня дрожали руки. К Танечкиному перечню необычных событий, приключившихся со мной, добавлялось еще одно. Я не ожидала, что мне ответят так быстро. Вернее, я вообще не ожидала, что ответят.

Письмо было на английском. «Дорогая мадам Наталья Устинова, – начиналось письмо. Я невольно расправила плечи и выпрямилась. Обращение «мадам» удивительно поднимает самооценку. – Я прочитал ваше объявление в Интернете и думаю, что нам необходимо встретиться. Мне кажется, вы обладаете образованием, достаточным для выполнения работы, которую мы собираемся вам предложить. Если ваше объявление еще актуально, чему я лично был бы очень рад, то завтра, 17 октября, в четырнадцать ровно вы приглашаетесь на интервью, которое будет иметь место в комнате 416 отеля «Хилтон-Ист». Адрес отеля прилагается ниже.

До скорого свидания, Наталья Устинова.

Искренне Ваш, Грэдди Флеминг,
адвокат и офис-секретарь,
от имени и по поручению Его Превосходительства господина Джузеппе Романо».

Офис-секретарь Грэдди Флеминг, Его Превосходительство господин Джузеппе Романо, «Хилтон»! У меня даже голова закружилась от подобной красоты. Что значит «Его Превосходительство»? Принц? Князь? Откуда в нашем городе такие люди? А вдруг это... розыгрыш? Или похуже? Приду в комнату четыреста шестнадцать, а там меня ждут не дождутся какие-нибудь... ловцы душ и тел!

Сомнения, видимо, так явно отразились на моем лице, что Володя поспешил меня успокоить.

– Наташа, по-моему, все нормально, – сказал он. – В «Хилтоне» такие цены, что только держись, кого попало не впустят. Хотите, я пойду с вами? Вы когда-нибудь проходили интервью?

– Проходила. В Банковском союзе. Они спросили, где я работала раньше.

– И все?

– И все. У меня был диплом экономиста. На ту зарплату, которую они мне предложили, мог польститься только такой экономист, как я. Так что особенно не придирались.

– У меня тоже было интервью в одной английской фирме, – сказал Володя. – Знаете, Наташа, их интересовало не только то, что я знаю, дипломы, опыт работы. Они спрашива-

ли, например, как я мог бы улучшить их сервис, какие мог бы сделать дельные предложения прямо сейчас, с лету, работал ли когда-нибудь в стрессовой ситуации, и просили привести пример. Их интересовало все, даже чувство юмора. Один из них – их было трое – спросил уже в самом конце: почему, пытаясь включить телевизор, мы давим на пульт сильнее и сильнее, прекрасно зная, что батарейки сели?

– Странный вопрос! – удивилась я. – И что же вы ответили?

– Что надежда всегда побеждает опыт.

Я засмеялась:

– Ни за что не сообразила бы!

– Как-то так само получилось. Они меня уже так достали своими вопросами... Причем подготовиться практически невозможно, вопросы нестандартные. Главное знаете что?

– Что?

– Не выглядеть просителем. Главное, помнить – вы не просите, вы спрашиваете. Мой коллега Джон называет это умением себя продать. Не все могут, у нас в школе этому, к сожалению, не учат. Мой друг Саша Степанов скорее скажет «не знаю», чем «знаю», и стесняется высказать свою точку зрения, так как она может не понравиться. Главное, не бойтесь. Меня вы не боитесь?

Я взглянула на него и ответила:

– Нет! Вас – нет! Но этого Грэдди Флеминга... я уже боюсь! Интересно, Его Превосходительство тоже будет присут-

ствовать?

– Вряд ли, – с сомнением сказал Володя. – Типа не по рангу, достаточно секретаря. Грэдди можно не бояться... – он бегло взглянул на меня, – поверьте мне! Пойти с вами? – спросил снова.

– Нет, – ответила я. – Я не уверена, что вообще пойду.

– Почему? – удивился Володя. – Вы что, боитесь?

– Не знаю... Как-то все сразу...

– Пошла карта! Что у вас в гороскопе на сегодня? Вы кто?

– Водолей.

– Я так и знал. Удача идет к вам в руки. Не упустите!

– Надо подумать. Откуда вы знали, что я Водолей?

– В вас чувствуется авантюристическая жилка. Вы – порывисты, переменчивы, обидчивы и предприимчивы.

– Вы уверены, что это про меня?

– Уверен. И вам противопоказана работа в Банковском союзе. Вы можете представить себе хоть на минуту, что вам придется до конца жизни работать старшим экономистом?

Я содрогнулась.

– Вот видите, – сказал он. – Кстати, у Водолеев очень выразительная мимика.

– Еще кофе? – спросила я.

– Кофе? – переспросил он задумчиво. – А можно чай?

– Можно. Ромашковый. Хотите?

– Тогда лучше кофе. И, если можно, еще печенья. Я не ужинал.

– Хотите яичницу?

– Хочу. А вы умеете?

– Не умею. А вы?

– Я даже борщ умею, – похвастался он. – Бабушка научила.

В итоге Володя съел яичницу из четырех яиц и выпил две чашки кофе. Последнее исключительно, чтобы сделать мне приятное – мой кофе ему не нравился. Он привык к лучшему. Я пришла в себя после письма Грэдди... что за имя, Флеминга настолько, что даже стала прикидывать, что надеть на интервью. Черный брючный костюм? И белую шелковую блузку? И мои новые замшевые туфли? И каракулевую шубку, присланную мамой? Еще тепло, правда. И вообще, скромнее надо быть. Сиреневый шарф... можно набросить... небрежно так. Нет, одернула я себя, нужно быть строгой и официальной, господин... как его... Романо – это вам не кафешантан.

Володя, кажется, не собирался уходить – расположился надолго гонять кофеи и общаться. В конце концов я спросила, когда ему завтра на работу. Он понял, порозовел и стал прощаться. Анчутка побежал за нами в прихожую. Тут зазвонил телефон. Володя вопросительно посмотрел на меня. Я помотала головой – никого нет дома. Я знала, что звонит Татьяна, больше некому, и не собиралась бросаться к телефону, пока не уйдет мой гость. Володе явно не хотелось ухо-

дить. Он все топтался в прихожей, пока я не зевнула, про-
бормотав, что страшно устала на работе. После этого он на-
конец ушел, пообещав забежать завтра вечером, узнать, как
прошло интервью.

Телефон трезвонил не переставая.

– Рассказывай! – закричала Танечка, услышав в трубке
мое «але».

– Меня приглашают на интервью! – похвасталась я.

– Не может быть! – ахнула Танечка. – Куда?

– В «Хилтон», четыреста шестнадцатая комната.

– В «Хилтон»? – опешила Танечка. – Это же отель! Поче-
му тебя приглашают в отель?

– Откуда я знаю?

– А что за организация?

– Не знаю. Меня пригласил секретарь... сейчас, подо-
жди, возьму письмо... Вот! Его Превосходительства Джу-
зеппе Романо... итальянец, наверное. Секретаря зовут Грэд-
ди Флеминг.

– Ни фиги себе, – пробормотала Танечка. – Но почему все-
таки в «Хилтон»? А это... это... не...

– ...подпольный бордель? – подхватила я. – Куда нужны
барышни с тремя языками? В моем возрасте? А Его Превос-
ходительство – сутенер? А офис-секретарь – поставщик жи-
вого товара? Татьяна, не лишай меня иллюзий!

– Да нет... – смутилась она. – Но все-таки, согласишься, это

довольно странно.

– Соглашаюсь, странно, – ответила я. – Но «Хилтон» – это тебе не занюханный мотель. Люди только приехали, не успели снять помещение. Хочешь, пошли вместе?

– А что нужно делать?

– Кому?

– Да тебе же! Какая работа?

– Он ничего не сказал про работу. Переводить, наверное. Я больше ничего не умею.

– А что ты наденешь?

– Черный брючный костюм и белую шелковую блузку.

– Ни за что! – воскликнула она. – Какой ужас!

– Почему это ужас? – обиделась я. – Самый приличный мой костюм!

– Как по-твоему, почему они нанимают женщину? – спросила Танечка.

– Что значит – почему? Какая разница?

– Они нанимают женщину, потому что им нужна женщина! – торжественно заявила Танечка.

Более дурацкое замечание трудно себе вообразить, Татьяна превзошла самое себя.

– Ну и...? – спросила я сдержанно.

– Им нужна женщина, – повторила Танечка значительно, – а не мужик в черном брючном костюме. Женщина, понимаешь? С коленками, грудью и шеей. В короткой юбке и черных прозрачных чулках! Иначе они наняли бы мужика. Неужели

непонятно?

Резонно, ничего не скажешь. Хотя в черном брючном костюме я чувствовала бы себя увереннее – как в броне.

– Даже не знаю... – Я мысленно перебирала свой гардероб. Что касается тряпок – Татьяна непревзойденный спец.

– Сейчас приеду, – решила Танечка. – Только смою авокадо!

Глава 8

Ханс-Ульрих Хабермайер и фройляйн Элса Цунк

Странные события происходили в двухэтажном особняке купца Фридмана. То есть в бывшем особняке. Очень странные. Но об этом никто в городе даже не подозревал.

Впрочем, по порядку. После революции в особняке Фридмана был размещен ЗАГС, потом его занял ЖЭК, потом – аптечный склад, потом он много лет стоял закрытым, и там водились необыкновенно крупные крысы. Ходили слухи, что это были крысы-мутанты, вскормленные на просроченных лекарствах. Несколько лет назад меценат и археолог-любитель господин Михаил Арнольдович Ломоносов, приехавший из Америки, выкупил особняк у города и отреставрировал, воспроизведя по картинке обстановку старого купеческого дома. Поскольку он не собирался устраивать из объекта музей, то также несколько усовершенствовал планировку: построил ваннные комнаты, большую кухню, проложил батареи центрального отопления под полами, привел в порядок загаженные трехъярусные подвалы. В подвалах разместились бочки с вином и холодильники со всякой снедью. А также гимнастический зал и бильярдная. Стены в особняке были полутораметровой толщины, и в нем можно было

продержаться во время осады... ну, скажем, худо-бедно, месяца три-четыре.

После этого господин Ломоносов поместил на туристическом сайте объявление о замечательном памятнике архитектуры, ныне гостинице, и пригласил желающих посетить наш старинный город и поселиться в бывшем особняке купца Фридмана.

Трудно сказать, находились ли желающие пожить в купеческом доме и в каком количестве. Да и цены, надо думать, кусались. Но, как бы там ни было, две недели назад особняк был снят через брокерскую фирму «Глобал виллидж». Да-да, весь особняк, а не отдельный номер. Снят неким Яковом Заречным для господина Ханса-Ульриха Хабермайера, сроком на три недели. Господин Ханс-Ульрих Хабермайер, в силу рода занятий, больше всего на свете ценит покой и уединение, а потому особняк Фридмана как нельзя более его устроил.

Господин Хабермайер прибыл позавчера, а за пару дней до его прибытия появилась секретарь мага и волшебника фройляйн Элса Цунк, простая немецкая девушка, не старая еще, надежная и по-немецки пунктуальная, призванная обеспечивать своему хозяину пиар или связь с окружающим миром: прессой и администрацией театров, а также заботиться о его удобствах, и вообще...

Если бы кто-нибудь заглянул через окно-бойницу в зал на втором этаже особняка, то был бы весьма удивлен про-

исходящим там действием. Секретарь господина Хабермайера фройляйн Цунк полулежала в старинном кресле, обитом золотой парчой. Голова ее была запрокинута, глаза закрыты, колени безвольно раздвинуты. Пальцы правой руки слабо сжимали небольшой предмет. Похоже, девушка спала или пребывала в глубоком обмороке. Свеча в старинном серебряном подсвечнике на круглом столе справа от кресла освещала комнату неверным колеблющимся светом. Над распростертым телом девушки стоял Ханс-Ульрих Хабермайер. Светлые и темные тени пробегали по его лицу. Маг пристально всматривался в лицо Элсы, проделывая над девушкой пассы. Непослушные пряди светлых волос падали ему на лицо, и он резким движением головы отбрасывал их назад. В ответ дергалась ломаная черная тень на стене – в ней чудилось что-то дьявольское.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.